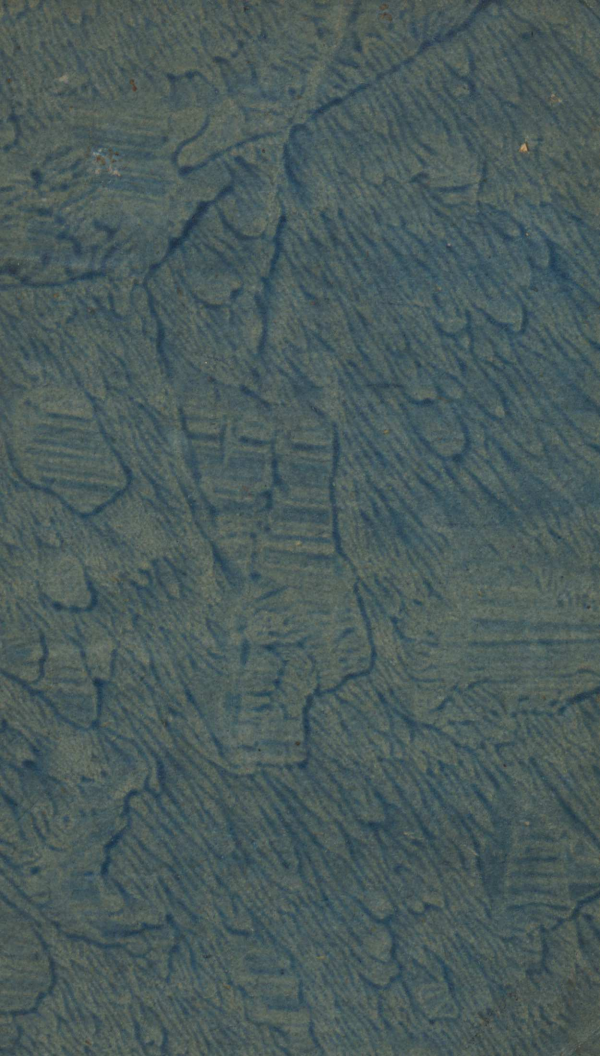

ФАННИ

или

Щастливое раскаяніе,

Аглинская Повѣсть,

съ Французскаго переведенная

Пафнутіемъ Мосаловымъ.

Въ Санктпетербургѣ
1774 года.

ЕГО
ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
отъ
Армїи ГенералЪ Порутчику, ЛейбЪ-Гвардїи конного полку ПремїерЪ-Маїору
и
СВЯТЫЯ АННЫ
КАВАЛЕРУ
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ
ДАВЫДОВУ,
МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ
МОЕМУ.

Милостивый Государь!

Первый опытъ трудовъ обыкновенно приносится виновникамъ жизни, или благополучія. Ваше Превосходительство положивъ начало моему счастію, по справедливости первое занимаете мѣсто въ благодарнѣйшемъ моемъ сердцѣ; кому же иному, какъ не Вашему Превосходительству, посвятить я долженъ сіи хотя и самые еще незрѣлые трудовъ моихъ плоды? Симъ хочу я здѣлать торжественное признаніе тѣхъ милостей и благодѣяній, коими угодно было Вашему Превосходительству меня ощастливить.

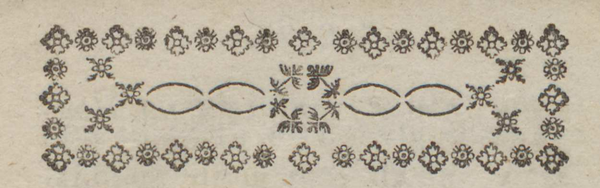
вить. Примите, Милостивой Государь, слабое сїе изъявленїе чувствительнѣйшей къ Вашему Превосходительству благодарности. Оная съ благоговенїемъ свидѣтельствуется отъ того, который за честь себѣ поставляетъ, съ глубочайшимъ почитанїемъ быть,

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

Милостиваго Государя,

покорно преданнѣйшїй слуга,

Пафнутїй Мосаловъ.

*

* *

Лордъ Татлей входилъ въ такія лѣта, которыя назвать можно бурею страстей; былъ рожденъ добродѣтельнымъ и чувствительнымъ, былъ въ цвѣтущей юности, богатъ и знатной породы, но обращеніе съ людьми испорченнаго нрава (обществомъ такъ называемыми свѣтскими людьми), а при томъ же и слабость повиноваться своимъ склонностямъ, всѣ сіи неприятели чувствъ и разсудка затмили въ немъ естество, которое ежели ему слѣдуемъ, приводитъ насъ всегда къ истиннѣ; онъ сіялъ между сими вертопра-

 хами,

хами, кои мучили себя *на Нопмерскомъ* бѣгу; * словомъ сказать, былъ образцомъ щегольства, отличалъ себя всѣми приятностями и роскошами: и имѣлъ весьма изрядныя вотчины въ графствѣ Салопскомъ.

Сиръ Топартъ былъ его любезнѣйшій приятель; сей дворянинъ имѣлъ приятности и прелестной разумъ, но былъ краснорѣчивѣйшій наставникъ пороковъ; онъ умѣлъ придавать приятности всякой матеріи, о которой онъ ни разсуждалъ, и казалось что забавы исходили изъ устъ его; и такъ, нетрудно ему было склонить *Татлея* подъ власть своихъ желаній; молодой человѣкъ повинуется чувствамъ, и предаетъ себя легко предложеніямъ ласкающимъ ему.

Татлей

---

* Мѣсто недалеко отъ Лондона, гдѣ бѣгаются на лошадяхъ.

Татлей нѣкогда угостя друзей съ нимъ бывшихъ, прогуливался одинъ по покрытой дорогѣ своего звѣринца, голову имѣя роскошными воображеніями наполненную, и нечувствительно дошелъ до дому своего мызника называемаго *Адамсомъ*. Вся сѣмья торопится изъявить радость о прибытіи въ домъ ихъ столь дражайшаго гостя; добродѣтельной откупщикъ сей представляетъ *Лорду* своихъ дѣтей, говоря ему: милостивый государь! вотъ плодъ вашихъ благодѣяній, да наградитъ васъ Господь за ваши милости, я ихъ воспитываю съ тѣмъ, чтобъ они вамъ служили и любили васъ; они немогутъ засвидѣтельствовать довольно вамъ благодарности и почтенія моего. Сей добрый старикъ произносилъ слова сіи съ чувствомъ и такимъ голосомъ, которые составляютъ истинное краснорѣчіе: онъ былъ опре-

дѣленъ въ молодости къ духовной должности, и учась въ Оксфортѣ, оказалъ изрядныя успѣхи; неожидаемыя нещастіи перемѣнили его состояніе, хотя онъ сдѣлалъ бы честь и всякой должности.

Татлей между любезными его дѣтьми пораженъ былъ видомъ одной дѣвушки шестьнадцати лѣтъ, она была меньшая дочь честнаго сего мызника: *Ирландѣя* славлящаяся красавицами не имѣла ей подобной; *Фанни*, такъ она называлась, была ангелъ сшедшій на землю; видъ сея красавицы показывалъ душевное ея достоинство, а стыдливость изображалась на лицѣ, показывая иногда природной ея румянецъ. Всѣ приятности соединялись вокругъ ея прелѣстныхъ устъ: тѣло ея было чрезвычайной бѣлизны: волосы теморусыя; а очей приятности неможно и описать; словомъ сказать

зать, нельзя было смотрѣть на *Фанни* невозчувствуя удивленія и любви; сія послѣдняя возъимѣла скоро дѣйствіе въ сердцѣ молодаго *Лорда.*

Всякое слово *Фаннею* произнесенное, пронзало *Татлеепо* сердце, и скоро совсѣмъ его покорило; онъ хотѣлъ нѣчто приказать добродѣтельному *Адамсу*, но невластенъ сталъ уже болѣе; онъ потерялъ власть свою надъ *Фаннїею* дочерью своего откупщика, и только проговорилъ нѣсколько словъ, которыхъ нельзя и разумѣть было. Въ столь великое *Фанни* привела его замешательство.

Лордъ нашъ уже возвращается чрезвычайно влюбленнымъ. Ахъ другъ мой, подлинно я въ себѣ невластенъ, я видѣлъ красу, добродѣтель, достоинство, я видѣлъ вѣчную обладательницу моего сердца! да божественная *Фанни*! торжествуй надъ всею моею

твердостію, любезный другъ! я бы желалъ проводить жизнь мою у ногъ ея... Но кто прекрасная сія дѣвица плѣнившая ваше сердце! спросилъ ево *Сиръ Топартъ*, ибо ему говорилъ *Татлей* съ восхитительнымъ видомъ. *Фанни* дочь моего откупщика, она сотворена царствовать, и быть владычицей вселенныя. Сіе божество есть дочь крестьянина? сказалъ съ удивленіемъ *Топартъ*: любезный *Лордъ* ты ряхнулся; вотъ еще какого роду проявились у насъ любовники: о! небеса! они никогда неимѣютъ недостатка въ богахъ... *Сиръ Топартъ*! я не шучу; вы не можете разсуждать о моей страсти, вы невидали *Фанни*: ахъ! ангельское изображеніе; какой станъ, какой видъ, какой голосъ! о мой другъ; по что я толь сильно влюбленъ сталъ! когда возмогу обладать *Фанніею*... Но я умру, ежели она моею не будетъ... Что скажешъ

жешь ты мнѣ? . . . Какъ ты чаешь умереть ежели небудешь владѣть дочерью твоего мызника? слуги твоего? бѣдной *Татлей* ты уже совсѣмъ помѣшался: что препятствуетъ твоему желанію! говори и повелѣвай; прикажи ее привести, и обладай ею; она довольно счастлива тѣмъ, что тебѣ понравилась. Ето тебѣ *Топартъ* можно сдѣлать по тому, что ты не размышляешь: ты желаешь, чтобъ я обесчестилъ сію сѣмью, которая размножается подъ моимъ покровомъ: ты мнишь, что я употреблю возло власть мою на утпушеніе слабыхъ, ошибаешся ты. *Фанни* сколько прекрасна столько и добродѣтельна. И такъ другъ мой то неложно, что любовь дѣлаетъ чудеса, ты находишся на высочайшей степени, и могъ бы жениться въ *Ирландіи* на богатѣйшей вдовѣ; какъ . . . Но ты смѣшонъ, я чаю ты думаешь, что

Фанни такая вещь, которую нельзя достать. Деньги любезной *Татлей*, деньги; *Адамсъ* тобою будетъ весьма обязанъ, и молодая *Фанни* не будетъ объ ономъ сожалѣть... Съ такими людьми... *Топартъ*, отвѣтствовалъ ему *Лордъ*; разумъ у тебя поврежденъ, сіи нетакія люди, другъ мой, кои бы на деньги хотѣли промѣнять честь свою, его честь... За деньги?... Нѣтъ.... *Топартъ*! нѣтъ... неразорву сего отеческаго сердца... И какъ я осмѣлюсь оное ему представить... *Фанни*... Другъ мой... Надобно забыть ее: я сколько ее люблю, столько и почитаю: *Топартъ* перервалъ сіе смѣхомъ, пойдемъ другъ мой, сказалъ онъ, ободрись, давно ли надѣжда неслѣдуетъ любви.

Адамсъ воспитывалъ дочь свою самъ, она была почитаема образцомъ пріятности и разума во всемъ уѣздѣ графства Салотскаго:

скаго: одна въ сосѣдствѣ живущая духовная особа, былъ ей родственникъ, и онъ взялъ на себя трудъ просвѣтить разумъ ее, и приучить къ добродѣтели. Она имѣла знанiи сверьхъ своихъ лѣтъ: но науки невоспрепятствовали *Фаннѣ* имѣть чувствительность въ сердцѣ; познала оную тотъ часъ, сколь скоро увидѣла молодаго *Лорда*; *Лордъ* посѣщалъ часто откупщика, или лутче сказать свою обладательницу, и всякой разъ она ему казалась приятнѣе; *Лордъ* сталъ задумчивъ и печаленъ, и *Топартъ* со всѣмъ искуствомъ своимъ немогъ разогнать той приятной печали, которая непрестанно влекла его къ прекрасной *Адамсоной* дочери.

Нѣкогда *Фанни* принесла ему пукъ цвѣтовъ; милостивой государь! сказала она ему закраснѣвшись, я ихъ нарочно набрала для васъ.. Цвѣты рваны

вашими

вашими руками, божественная *Фанни*? ахъ! онѣ будутъ послѣ у моего сердца: сей учтивой отвѣтъ, или лутче сказать сія стрѣла, тотъ часъ пронзила душу *Фанни*; лицо ея покрылось пріятнѣйшимъ румянцомъ: въ сіе время ихъ разговора ближнія сія неслыхали онаго; *Лордъ* по возвращеніи своемъ въ домъ, цѣлуетъ тысячу разъ сіи цвѣты, и разговариваетъ съ ними равно какъ бы съ самой *Фанни*. *Сиръ Топартъ* называя его Селадономъ и Артаменомъ говоритъ, надобно, другъ мой! чтобъ ты довольно начитался негодныхъ Французскихъ романовъ; уже ты неможешь въ *Лондонѣ* и показаться; на тебя станутъ указывать пальцомъ куда ты только ни приѣдешь. . . . Я думалъ изъ тебя сдѣлать пріятнаго *Лопеласа*, но ты ни что иное нынѣ сталъ, какъ сумозбродной пастухъ.

Топартд самъ провожаетъ своего друга къ откупщику, видитъ *Фанни*, и самъ смущается, принужденъ собрать весь свой острой разумъ для избѣжанія равной стрѣлы, каковою *Татлей* былъ пораженъ. Хочетъ изъясниться по городскому предъ сею почтенною деревенскою дѣвушкою; но отъ словъ *Фанни* приходитъ въ робость и внутренно сокрушается; опамятывается, начинаетъ по обыкновенію шутить и на конецъ улучаетъ время говорить наединѣ съ *Адамсомъ*; сей достойной старикъ возвратясь возводитъ глаза свои на небо; смущенъ, бледенъ, внѣ себя, смерть изображена на его лицѣ... Дѣти выйдите вонъ!... Ахъ! милостивой государь! ставъ на колѣни, и поднявъ руки къ небу съ горчайшими слезами говоритъ *Татлею*: что я вамъ сдѣлалъ, милостивый государь, что вы определяете мнѣ погибель и безче-

стіе

стіе... Жена! сей господинъ, [указывая на *Топарта*] сулитъ мнѣ деньги, чтобъ дочь мою *Фанни*, привелъ я къ Милорду... Думаетъ объ насъ, чтобъ мы въ состояніи были сдѣлать такую подлость, отдали бы на поруганіе ту любезную дочь, которую сами воспитывали... Милордъ! лишите вы насъ лучше жизни, только оставте честь съ нами; сіе есть единое добро, которымъ мы желаемъ владѣть на земли. Ахъ! какъ! развѣ мы недостойны болѣе быть вашими служителями... Но вы смущаетесь милостивый государь... Ахъ! вы конечно никогда не имѣли таковаго намѣренія; это вы, государь мой, даете Милорду такія совѣты? Увы! что бы сказалъ, милостивый государь его родитель... Онъ съ нами поступалъ какъ съ дѣтьми... Любезной *Адамсъ*! перерваръ его рѣчь *Татлей*, я никогда не имѣлъ сей

гнусной

гнусной мысли, и се есть несноснѣйшая шутка моего друга, въ томъ увѣряю. Ахъ я и самъ сомнѣвался, продолжалъ *Адамсъ*, что бы вы могли до такой степени забыть вашу милость къ чувствительнѣйшимъ тварямъ, которые всякой день бога молятъ за васъ. . . Впрочемъ, государь мой! оборотясь къ *Топарту*; шутки сіи несносны: мы можемъ быть бѣдны, но честь такъ же извѣстна и намъ, какъ и вамъ . . . Ежели бы кто осмѣлился мнѣ, прибавилъ онъ рыдаючи, сдѣлать таковое безчестное предложеніе изъ равныхъ моихъ, то бы я дошелъ до чрезвычайности, которую нынѣ почтеніе къ вамъ запрещаетъ. Я вамъ повторяю, любезной *Адамсъ*, что другъ мой не думалъ никогда, что бы тѣмъ могъ раздражить тебя; за сію шутку прошу у тебя за него я прощенія *Адамсъ*. Уходятъ.

Ты

обратите на меня. . . то у васъ тотъ часъ показываются слезы, или причинила я вамъ батюшка какую либо несносную печаль? и вы уже больше дочь вашу *Фанни* не любите?... Дочь моя послушай меня, и чистосердечно отвѣчай мнѣ? батюшка, я вамъ всегда правду сказывала.

Слушай дочь! Что ты думаешь объ нашемъ господинѣ, говори правду... Я его нахожу весьма приятнымъ! сїе сказала она закраснѣвшись и потупя глаза; батюшка! развѣ вамъ онъ не таковъ же кажется? любезное дитя учисъ познавать людей... Сей *Лордъ*, который тебѣ кажется столь приятнымъ, навелъ было мнѣ и бѣдной твоей матери несносную горесть, хотя лишить меня того, что я имѣю наидрагоценнѣйшѣе.... въ тебѣ любезная *Фанни*. Какъ! что вы говорите? онъ хотѣлъ тебя любезное дитя, продолжалъ старикъ

рикъ (прижимая ее къ своей груди, и орошая ее слезами) обесчестить, сдѣлать тебя своею любовницею; (тутъ онъ падаетъ въ объятіи своей дочери) ахъ! какъ люди мерзскіе! кто бы сіе могъ подумать о нашемъ господинѣ?... Старикъ опамятовался. берегись любезная *Фанни* сѣтей на тебя поставленныхъ, не принимай отъ *Лорда* писемъ, и неоставайся одна на полѣ; будь сколько можно всегда въ глазахъ твоего отца и твоей матери, думай что первое благо есть невинность; поцалуй меня любезная дочь, и непреставай быть нашею утѣхою.

Фанни заплакавши говорила: дражайшей родитель, нѣтъ я никогда не буду причиною вашего стыда, я никогда сего неожидала отъ Милорда, надобно ему быть весьма жестокимъ, что бы захотѣть наше спокойство возмутить такимъ образомъ: пусть

Ты у него просишь прощенія за меня, сказалъ *Топартъ*! безъ сумнѣнія, отвѣтствовалъ *Татлей*, должно извиняться и передъ послѣднимъ человѣкомъ; когда мы ему досаждаемъ, онъ становится тогда нашимъ повелителемъ, а мы ему подвластными . . . Ахъ жестокой! ты устроиваешь мнѣ нещастіе . . . Ты погрѣшилъ противу отца *Фанни*.

Я описывалъ *Татлея* такъ какъ начальника сихъ малыхъ господъ, которыя скрываютъ всѣ поступки подъ видомъ пріятностей. Я неотрекаюсь: но любовь произвела чудеса: она сдѣлала изъ негоднаго и невежливаго, робкаго и почтительнаго любовника, душу склонную къ честности, разговоры бѣднаго *Адамса* крайнѣ его опечалили, надобно было, *сиръ Топарту* быть связану съ нимъ крѣпкимъ союзомъ дружбы, что бы явный разрывъ въ мигъ неразлучилъ

лучилъ ихъ съ симъ недостойнымъ его другомъ, симъ свѣтскимъ человѣкомъ.

Татлей сталъ безнадеженъ, онъ обожалъ *Фанни*, несмѣлъ на нее болѣе взглянути, боялся взору какъ *Адамсона*, равномѣрно и его дочери. Друзья его увезши изъ деревни, поѣхали съ нимъ въ *Лондонъ* и ввели его во всѣ дурачества и заблужденія, кои въ городѣ называются веселіемъ.

Адамсъ въ сіе время лишился веселости, которую онъ до сего раздѣлялъ съ прочими деревенскими жителями, онъ не увѣрялся *Лордовымъ* обѣщаніямъ, и воздыхая смотрѣлъ на дочь свою, которая въ его удовольствія росла и онъ при взглядѣ на нее проливалъ иногда слезы.

батюшка, сказала ему нѣкогда *Фанни*, осмѣлюсь ли спросить о причинѣ вашей печали? я примѣчаю уже тому нѣсколько времяни, какъ вы взоръ вашъ обра-

пусть онъ никогда больше сюда неприходитъ; мы ему обязаны благодарностію и почтеніемъ, но ты дочь моя, должна о семъ молчать, употребляй лишь только въ пользу совѣты мои.

Фанни будучи одна, многажды повторяла въ своемъ сердцѣ: возможноль быть человѣку толь пріятнымъ и имѣть таковыя честному человѣку не пристойныя чувства? ахъ проклятой Лондонъ; онъ то повредилъ разумъ моего господина, если бы онъ пребывалъ всегда въ сихъ мѣстахъ, конечно непривелъ бы никогда себя въ презрѣніе таковыми поступками.

Однакожъ *Фанни* не выпускала его изъ мыслей своихъ, и можетъ быть дѣлила она сама смятеніе причиненное ею *Татлѣвому* сердцу. Онъ тщетно повторялъ свои прошедшія забавы. Повезъ съ собою въ Лондонъ стрѣлу поразившую сердце его; воспоминаніе

минанїе *Фанни* торжествовало надъвсѣми его весельями, и вездѣ въ мысляхъ своихъ имѣлъ онъ всегда ее одну.

Онъ больше недожидается хорошаго времяни, чтобъ ѣхать въ свои деревни въ провожанїи своихъ приятелей, кои всѣ употребляли способы къ исцѣленїю его отъ страсти толь подлой и постыдной знатному господину и Перу Великобританскому.

Воздыхать и мучиться любовїю къ деревенской дѣвочьки, были ему всегдашнїя представленїи, коими его утѣсняли и непрестанно искали къ возбужденїю въ немъ честолюбїя, которое будто бы помрачалось таковымъ подлымъ союзомъ. *Татлей* имѣя рюмку въ рукахъ пуншу, обѣщается иногда позабыть *Фанни*, но ставъ на другой день поутру становится того обьятъ больше своею любезною нежели прежде, ее называетъ обладательницею своею,

сею, простите мнѣ государи мои сіи выраженіи.

Лордъ нашъ пріѣзжаетъ въ свою деревню, бѣжитъ скорее къ дому своего мызника, нежели въ свой замокъ; ставъ пораженъ и любовію сдѣлался застенчивее, а отъ того и пріятнѣе. Онъ не могъ побѣдить безпокойства, которое его мучило при свиданіи съ *Адамсомъ*. Что же касается до *Фанни*, она желала бы ненавидѣть *Татлея*. Но онъ привезъ съ собою новыя прелести; она уходила въ то время какъ онъ приходилъ навещать родителя ея; часто она на него смотрѣла, но онъ потуплялъ глаза, и сіи взоры смущали толь сильно *Фанни*, что она безпрестанно повторяла. Какъ онъ пріятенъ! *Татлей* выдумывалъ также множество причинъ что бы приносить жертву тайному своему божеству.

Нѣкогда нашелъ *Татлей Фанни* въ нѣсколькихъ шагахъ отъ

жилища

жилища отца ее, никогда неказалась она ему столь приятною и прелѣстною. Она имѣла на головѣ маленькую шляпку и на ней цветы раскиданы были посторонамъ, власы ея хотя въ беспорядкѣ, но въ самомъ лучшемъ видѣ, грудь ея была волнующаяся, нѣсколько слезъ лиющихся изъ ея прелесныхъ очей, покрывали розовой ея румянецъ. Въ семъ то видѣ прелестномъ предстала ему обладательница души его. Она сидѣла подъ древомъ и легко можно было примѣтить печаль угнѣтающую доброе ее сердце. *Татлей* палъ къ ногамъ ея, ты плачешъ прекрасная, сказалъ онъ ей; какъ скоро *Фанни* сїе услышала, вставъ, кричитъ милостивой государь.... Онъ хочетъ у нее взять руку. Она съ поспѣшностїю вырываетъ ее, хочетъ удалится и уйтить въ домъ свой, нѣтъ божественная *Фанни*, ты меня непокинешъ.... Ахъ! что я тебѣ сдѣ-

сдѣлалъ прекрасная, въ чемъ я предъ тобой погрѣшилъ? милостивой государь! оставтѣ меня итти къ родителямъ. Онъ мнѣ запретилъ съ вами говорить, и видѣться.... Ето несносно, прибавила она, проливая слезы, хотѣть обесчестить нашу бѣдную семью.... Вы опечалили моего родителя и всѣхъ моихъ родственниковъ, я незаслужила отъ вашей милости таковаго поруганія.

Оканчивая слова сіи, она приближилась къ дому, и плачучи опустила руку, которую *Лордъ* въ другой разъ схватилъ... Ахъ! божественная *Фанни*, необвиняй меня, другъ мой одинъ только въ томъ виновенъ; нѣтъ никогда я не имѣлъ таковыхъ гнусныхъ мыслей; мнѣ ли васъ непочитать, когда я люблю васъ до обожанія.... Онъ примѣтилъ *Адамса* идущаго къ нимъ; видъ на немъ былъ нѣсколько суровъ, и какъ бы пришествіе его было для

того

того только, чтобъ побранить дочь свою; любезной *Адамсъ*, продолжалъ *Лордъ*, я перескажу оное при тебѣ, и восвидѣтельство призову небеса, я обожаю твою любезную дочь. Ета истинная добродѣтель представила подъ видомъ приятности, и я восхищаюсь подвергая ея власти имѣнія, богатство, чинъ и мое сердце; [*Фанни* краснѣлась, и подымая прекрасныя свои глаза орошаемыя слезами, смотрѣла на *Татлея*, и находила его меньше виноватымъ, нежели ея отецъ ей описывалъ; а по томъ опять оныя потупляла] да! я тебѣ обьявляю *Адасмъ*, *Фанни* меня уведомила, что чувствы должны торжествовать надъ всѣми прихотями [онъ входитъ въ домъ, и передъ женою и протчими дѣтьми] *Фанни* будетъ моя достойная супруга, пусть да раздѣлитъ она со мною имя, достоинство и мое имѣніе, оно будетъ властвовать

 всѣю

всѣю душею моею, такъ мною обожаемая *Фанни*, ты видишь твоего любовника, твоего будущаго супруга простершагося у ногъ твоихъ.

Какія восхищенія, какое волнованіе въ сердцѣ бѣдной *Фанни*! что вы дѣлаете, милостивой государь! сказалъ *Адамсъ* подымая *Татлея*? это намъ должно пасть передъ вами; я чувствую всю цѣну вашихъ милостей, но хотя мало научены мы, однако грубыя люди, знаютъ отдавать всякому справедливость; моя дочь не съ тѣмъ рождена, чтобъ ей носить имя, *Лади Татлей*. Сїе имя принадлежитъ благороднымъ дѣвицамъ; *Фанни* покорная вамъ милостивой государь услужница, она имѣетъ только одного повѣлителя выше васъ, то есть честь. Нѣтъ милостивой государь, я нестерплю чтобъ вы ниже своего чина жену за себя взяли. . . Я бы

былъ

былъ служитель недостойной вашихъ благодѣяній, и тѣхъ кои милостивой государь вашъ родитель намъ изволилъ оказывать, коего память останется для меня на всегда неоцѣненна: ежели бы я повиновался сей страсти, которая нынѣ васъ ослѣпляетъ; жена моя, да и сама *Фанни* такія же имѣютъ мысли, а я имѣю честь за нихъ вамъ представить должность вашу и нашу (въ самое сіе время *Фанни* еще взираетъ на *Лорда* съ слезами) неправдали дочь, что твои мнѣніи одинаковы съ моими? такъ батюшка, сіи слова произнесены были перерывающимся голосомъ, и есьли можно такъ сказать, то сердцѣ бы ее сіе ложно выговоренное признаніе хотѣло возвратить назадъ.

Какое для *Фанни* торжество! она любила *Лорда*, недолжно сего скрывать и какою тайною радостію, восхищалась она что

любовь его къ ней произвела такія сильныя дѣйствіи въ *Лордѣ*, что онъ представлялъ ее взять за себя. *Татлей* симъ неудовольствуясь, посѣщалъ всякой день *Адамса* съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ просить *Фанни* въ супружество отъ сего достойнаго родителя какъ и прежде получалъ онъ отказы. *Милордъ* вознамѣрился на конецъ написать къ обладательницѣ своей письмо, которое положилъ онъ подъ однимъ деревомъ, зная что *Фанни* непремѣнно мимо онаго проходить должна на вѣрное щиталъ, что по любопытству намъ весьма сродному наипріятнѣйшая сія для него особа подыметъ оное, оно было безъ надписи, *Фанни* и подлинно идучи мимо увидѣла то письмо лежащее на земли и въ недоумѣніи находилася поднятьли оное? прошла мимо, но по томъ возвращается, и повинуясь движенію, которое ее къ тому понуж-

нуждаетъ, подымаетъ письмо, развертываетъ оное дрожащими руками и читаетъ въ немъ слѣдующѣе:

„ Вамъ легко можно узнать,
„ кто и къ кому пишетъ? пись-
„ мо сїе отъ человѣка безмѣрно
„ влюбленнаго въ особу, кото-
„ рую думаю всякъ обожать
„ долженъ, и которая напроти-
„ ву того столь нечувстви-
„ тельна и жестока, прекрасная
„ *Фанни* конечно знаетъ, что
„ щастїе *Лорда Татлѣя* зави-
„ ситъ единственно отъ нее и
„ отъ почтеннаго *Адамса*, кро-
„ мѣ моей руки или моего серд-
„ ца, я ей ничего немогу дать;
„ жертва сїя весьма мала по мо-
„ ей къ ней любви, я сїе знаю дра-
„ жайшая, но сїе токмо одно въ
„ моей власти, ежели бы ты
„ меня любила и ежели бы ты
„ хотя малое имѣла сожаленїе
„ о бѣдномъ *Татлѣе*, я бы былъ
„ наисчастливѣйшимъ изъ смерт-

 „ ныхъ.

„ ныхъ. Любовникъ, и обожатель
„ божественной *Фанни*, сталъ
„ бы ее супругомъ. . . Ахъ же-
„ стокая, ты хочешь причи-
„ нить смерть мнѣ, которой
„ о тебѣ только единой возды-
„ хаетъ, убѣждай прозьбу твоего
„ родителя, дабы онъ согласил-
„ ся совершить мое благодѣн-
„ ствїе. Поверь что ты будещь
„ наисчастливѣйшая изъ женъ;
„ добродѣтель и красота ни ка-
„ кимъ неуступаетъ чинамъ,
„ ты читала *Помелу*, равную
„ ему должна имѣть участь,
„ и наслаждаться таковымъ же
„ награжденїемъ; скажи пожа-
„ луй ангельская красота, бу-
„ детъ ли сїе для тебя награ-
„ жденїемъ, когда ты слѣлаяся
„ обладательницею такого чело-
„ вѣка, которой не въ силахъ
„ только возвесть тебя на пер-
„ вѣйшїй въ свѣтѣ престолъ.
„ Твой отвѣтъ решитъ, дол-
„ женъ ли буду окончать пла-

„ чевную

„ чевную жизнь, или вкуситьис-
„ тинное благоденствіе, твой
„ верный любовникъ *Татлей*. „

Ахъ! *Лордъ*! вскричала *Фанни*, для чего я не *Ледди*? для чего я не королева? тебѣ бы не чево было больше желать. Увы; онъ нечувствуетъ всѣхъ моихъ мученій, пойду, паду къ ногамъ отца моего и матери, и я буду его женою, бѣдной господинъ! какъ онъ меня любитъ; нѣтъ конечно, онъ ни когда не имѣлъ мыслей погрѣшить противу чести, я всегда въ ономъ сумнѣвалась, и это конечно выдумка сквернаго *Топарта*.

Фанни сто разъ оное письмо читала, и всякой разъ читая охотнее, чувствовала горячность и печаль, она внутренно колебалась, должна ли показать его своему отцу, но при томъ и боялась измѣнить истиннѣ, бѣжитъ къ *Адамсу* и увидѣвъ его проливая слезы съ прерывающимъ

щимъ голосомъ сказала: возмитѣ батюшка письмо нашего господина найденное мною. . . Онъ весьма несчастливъ, ежели онъ умретъ. . .

Адамсъ читаетъ письмо, ты ни когда отъ меня ни чего нескрывала; любишъ ли ты нашего господина? . . . Тогда то она возрыдала, ты мнѣ все сказывала, любезная дитя, ты ни вообъятїяхъ отца, ни строгаго судьи, но въ рукахъ искренняго друга; чего ты ожидаешъ отъ сей нещастной страсти? честь тебѣ дорога, увы батюшка тысячу разъ больше нежели жизнь; но можешь ли себя ласкать надеждою, быть Милордовою женою; хочешь ли ты чтобъ я во зло употребилъ мою слабость и ложной видъ, чтобы измѣнить всему тому чемъ я долженъ моимъ господамъ и благодѣтелямъ? будучи въ такомъ состоянїи не

будешъ

будешъ ли гнушаться моею бѣдностїю.

батюшка, говорила *Фанни* со слезами сѣжавши руки, небо призываю во свидѣтели сколько я васъ люблю и почитаю; не ужели ты меня любишь, дочь моя! укроти сїю горячность, которая будетъ началомъ твоихъ злоключенїй, и можетъ быть вечьнымъ стыдомъ . . . Мы на нѣсколько времяни разлучимся, ты поѣдешъ за десять миль отъ сюда къ теткѣ твоей *Гаррисѣ*, гдѣ ты будешь скрыта до той минуты, пока *Лордъ* выѣдетъ изъ своихъ деревень, и возвратится въ *Лондонъ*, гдѣ онъ тебя позабыть долженъ будетъ. *Татлей* забудетъ меня ? Увы; поди любезная *Фанни*, незнайся съ господами ты думаешъ что они таковы, какъ мы деревенскїе люди. Я нѣсколько лѣтъ жилъ въ *Лондонѣ*, ихъ дружба не долго продолжается. Ежели ты хочешъ

 быть

быть любима, и твою семью осчастливить, то избери себѣ мужа состоянїемъ тебѣ равнаго... Завтрѣ ты поѣдешь, я скажу твоей матери, что тетка твоя проситъ, объономъ увѣдомлю и тебя, поди и приготовь все къ твоему отъѣзду.

Слова сїи на подобїе громовой стрѣлы поразили *Фанни*? отецъ ее оставляетъ одну, и тогда то чувствуетъ она всю силу, и все могущество любовной страсти. Сѣла, или лутче сказать, упала на стулъ, и проливала рѣки слезъ, невидать больше любезнаго, разлучиться съ нимъ, пренебречь его горячьность. Его счастїе, мое... Принуждать свое сердце до такой степени. Но увы могули я отцу въ повелѣнїи его противиться... Ахъ батюшка, чего вы требуетѣ отъ меня! будуль я столько имѣть крѣпости, что бы повинуясь вамъ, дойтить до моей ссылки домѣста, которое мнѣ

мнѣ будетъ гробомъ! Тетушка приметъ мои послѣднія издыханія; ахъ, *Татлей*! *Татлей*!... *Фанни* мучительно проводила сію ночь.

Адамсъ, довольно видѣлъ все происходящее въ сердцѣ дочери своей; онъ ее любилъ горячо и думалъ укрытіемъ ее отъ *Лордовой* страсти показать опытъ отцовской своей къ ней благосклонности, время уже назначено отбытію ни кто изъ сосѣдей въ мызѣ не зналъ куда *Фанни* шла кромѣ матери, которая весьма сокрушалась о несчастной участи дочери своей, видя ее поверженную въ горесть, кою она тщетно старалась укротить.

Фанни готовясь къ отбытію, проливала токи слезъ; выходя встрѣтилась съ нѣкоторымъ молодымъ человѣкомъ въ мызѣ живущимъ, которой ее весьма любилъ и она всякую минуту трепѣтала, что бы не примѣтилъ

сего отецъ ее; скажи ему, любезной *Вилиамсъ* (такъ онъ назывался) что я его ни когда не забуду и что я весьма несчастлива; да кому вы приказываете пересказать сїи слова? какъ! да развѣ я тебѣ того не сказала? Другъ мой! скажи сїе нашему господину, которой меня любилъ, и которой желалъ на мнѣ жениться. . . Но мой батюшка тому противится.

По томъ одумавшись нѣсколько продолжала, нѣтъ другъ мой, не сказывай ему ни чего о семъ, я тѣмъ прогнѣвлю моихъ родителей; моя должность . . . Можетъ быть онъ нѣкогда услышитъ о моей смерти... Сїе ему будетъ... Между тѣмъ, какъ бѣдная *Фанни* терзалася, и была въ великомъ отчаянїи, пришелъ *Адамсъ*! и сказалъ ей пойдемъ, дочь моя, простись съ матерью, съ братьями, и съ сестрами, пойдемъ; я беру на себя трудъ проводить

водить

водитъ тебя, но паче всего храни тайну.

Какая минута для несчастной *Фанни*; она разставалась съ тѣми мѣстами, въ которыхъ была рождена; и которыя были свидѣтелями ея горести, обращала омоченные слезами взоры свои къ замку, подобясь жертвѣ, которая должна поражена быть смертнымъ ударомъ, въ сїе время приходитъ отъ Милорда къ *Адамсу* слуга, требуя что бы онъ съ поспѣшностїю шелъ къ его господину, и увѣдомляетъ во, что Милордъ весьма боленъ и лежитъ уже нѣсколько дней въ постелѣ. боленъ вскричала *Фанни*! новая горесть. Какъ? Милордъ.

Адамсъ бѣжитъ въ замокъ, и находитъ подлинно *Лорда* лежащаго въ постелѣ въ жестокой горячьки; *Татлей* приказываетъ всѣмъ выттти, и остается на единѣ съ мызникомъ, садисъ любезной *Адамсъ*, сказалъ онъ ему

ему умирающимъ голосомъ; *Адамсъ* ты видишъ каковъ я, а сему притчиною ты. Какъ милостивой государь?... Точно такъ, ты нехочешь мнѣ отдать въ супружество *Фанни*, увы! я тебя скоро избавлю отъ моихъ прозбъ; чувствую, что сей отказъ ведетъ меня во гробъ. Ахъ милостивой государь, отвѣтствовалъ сей престарѣлый мужъ, вы пронзаетѣ мое сердце; могули я быть притчиною вашей смерти, когда я въ состоянiи жертвовать за васъ моею жизнiю тысячу разъ? но разсудитѣ милостивой государь, что я долженъ дѣлать! разсмотритѣ неравенство дочери моей съ вами, и какъ возможно ей съ господиномъ своимъ соединиться. Страсть сiя должна современемъ исчезнуть... Выдитѣ изъ заблужденiя, государь... Нѣтъ! *Адамсъ*, нѣтъ я никогда непрестану обожать твою любезную дочь, отмщу природѣ

родѣ возвѣдши ее на высокую степень. Намѣренїе сїе принелъ я твердо, если смерти моей непохочешъ быть причиною, посмотримъ любезной другъ, захочешь ли быть убїйцею наилучшаго своего господина, и присихъ словахъ подаетъ ему онъ руки . . .

Сей добродѣтельно старикъ, тронутый множествомъ выраженїй его сказалъ! но государь; что скажутъ ваши родственники, Лондонъ, и цѣлой свѣтъ! какъ могу я согласиться на такой союзъ, непогреша противу должности . . . Я весьма несчастливъ . . . Для чего увидѣли вы *Фанни*; сочетаюсь другъ мой съ *Фаннїею* тайнымъ бракомъ и оный объявлю послѣ смерьти дяди моего, которая весьма уже ему близка, ты сдѣлаешь счастливыми меня, дочь твою и весь домъ свой; ты будешь моимъ тестемъ продолжалъ онъ цѣлуя

Адамса,

Адамса, которой былъ тронутъ таковымъ состоянїемъ; еще разъ прошу тебя даруй мнѣ жизнь, сїе зависитъ отъ тебя, ежели ты только позволишь мнѣ быть супругомъ *Фанни*, пойдемъ любезной *Адамсъ* неопасайся моихъ родственниковъ, дворъ невозбранитъ моей женидьбѣ; они увидятъ *Фанни* узнаютъ, и весь свѣтъ похвалитъ выборъ мой.

Адамсъ былъ неподвиженъ, глаза имѣлъ потупленные и вздыхалъ жестоко, *Татлей* призываетъ людей своихъ, которые его подъимаютъ съ постели; одѣвшись садится съ *Адамсомъ* въ карету, и приказываетъ ѣхать въ домъ его: прiѣхавши падаетъ къ ногамъ *Фанни* встрѣтившей его у двѣрей съ матерью своею. Вотъ обожаемая супруга моя, вотъ обладательница моего сердца, не хочу имѣть другой кромѣ ея.

Мать

Мать услышавъ сіе съ изумленіемъ отступаетъ назадъ поражена будучи удивленіемъ; *Милордъ* говоритъ ей, родитель ее на мое счастіе соглашается, и вы сударыня конечно оному не станите противиться, вы будете всѣ трое соединены со мною наилюбезнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ узомъ.

Фанни считала бы сіе за сновидѣніе, но *Лордъ* съ споспѣшностію изъясняется, прекрасная *Фанни*! теперь отъ васъ зависитъ подтвердить согласіе сіе, которое меня сдѣлаетъ счастливымъ вѣчно.

Лордъ беретъ у нее руку, которую она ему подаетъ охотно, тысячю разъ цѣлуетъ оную и видитъ свое торжество изображенное на челѣ *Фанни*; она хотя молчала, но глаза говорили занее, а иногда обращала взоръ свой и на отца, какъ будто спрашивая у него что ей отвѣтство-

ствовать надлежало бы. Сродственники стараются на усильнѣйшими представленіями *Лорда* убѣждать, но напрасно: влюбленный все опровергаетъ. На конецъ послѣ многихъ споровъ, супротивленій, слезъ и прозбь, положено *Лорду* тайно жениться на *Фанни*; *Лордъ* летитъ къ друзьямъ: *Сиръ Топартъ* несколько уже тому дней назадъ какъ возвратился въ деревню *Татлея*, и послѣ ужина приказываетъ *Лордъ* слугамъ своимъ выттти вонъ, спрашиваетъ вина и увѣдомляетъ приятелей своихъ что его намереніе уже решено, и онъ на *Фанни* женится. *Топартъ* слушаетъ сіе съ презрѣніемъ и пьетъ за здоровье *Лорда Татлея* затя крестьянина *Адамсопа*.

Бѣдной *Лордъ* сноситъ всѣ насмешки и всѣ ругательства, представляя себѣ въ защищеніе одни только прелести красу и добро-

добродѣтели сей деревенской дѣвицы; но они начинаютъ съ нова смѣхъ, которой его больше трогаетъ, стараются ему доказать сколько обесчещенъ, и униженъ онъ таковымъ сочетаніемъ Милордъ былъ весьма тщеславенъ, а сей мерской порокъ имѣетъ въ сердце, человѣческомъ больше дѣйствія нежели природа и любовь; однакожъ *Лордъ Татлей* въ состояніи былъ лучше умереть, нежели не владѣть *Фаннiею*, и сіе возраженіе было последнѣе, которое онъ представлялъ друзьямъ своимъ, по тому что онъ немогъ ею владѣть, не женясь на ней а притомъ ежелибъ онъ употребилъ другія способы, что вся семья, которую *Лордъ* жаловалъ съ печали изчезлабъ и *Фанни* бы сама почла его за чудовище, но онъ желалъ быть въ ее объятияхъ, и быть ею любимымъ; однимъ словомъ онъ немогъ бы быть

счастливымъ, не сдѣлавши на передъ счатливою *Фанни.*

Сиръ Топартъ послѣ многихъ разсужденій вскричалъ, полно шутить государи мои? . . . И такъ тебѣ хочется, любезной *Татлей* обладать *Фаннїеиными* прелестьми и предпочесть единое веселье на нее смотрѣть всѣмъ Лондонскимъ красавицамъ . . . . безшутокъ тебѣ сказываю, что моя жизнь отъ единой ее зависитъ... Хорошо другъ мой продолжалъ онъ, позвольте мнѣ представить тебѣ способъ, которой сохранитъ честь твою, твои утѣхи, твой санъ, что бы не поссориться ни съ своимъ дядею, ни съ самимъ съ собою, и ниже совсѣмъ Лондономъ; положи на меня исправленія онаго, что ты хочешь сказать? говори сказалъ *Татлей*, въ правду ли ты хочешь жениться на *Фанни*? безъсумнѣнія; ну такъ вотъ какъ я оное

начну,

начну, и удивляйся моему разуму.

Я имѣю въ сосѣдствѣ знакомаго священника, которой будетъ съ нашей стороны, мы будемъ имѣть ложныхъ свидѣтелей; словомъ сказать ты будешь, женатъ, и не будешь женатъ ты будешь имѣть права наслаждаться въ обьятїяхъ твоей побѣды, всѣмъ тѣмъ счастїемъ, которое я тебѣ желаю, какъ вскричалъ *Татлей*, я измѣню *Фанни*. . . И съ великимъ сердцемъ вскакиваетъ съ своего мѣста. Потише, выслушай далѣ садись; сею женидьбою, положимъ такъ, ты удовольствуешь твои желанїи, и неподвергнешь себя праведному гнѣву твоего дяди; а совремянемъ когда твоя любовь изчезнетъ и когда ты выйдешь изъ твоего заблужденїя, то *Фанни* за сей обманъ награди, давши ей довольной доходъ для ее содержанїя, самъ

 ты

ты довольно заплатишь честь деревенской дѣвушки. Мерской другъ, какія неистовыя совѣты, чтобъ я вырвалъ дочь изъ отцовскихъ объятій. . . Чтобъ я обманулъ *Фанни* сказалъ *Лордъ* проливая слезы; нѣтъ жестокой! ненадѣйся, чтобъ я оное сдѣлалъ: я при всѣхъ на ней женюсь, хотя моя женидьба и тайно совершена будетъ, но однакожъ она будетъ законная. Глупенькой, дай время окончать мнѣ прервалъ рѣчь *Топартъ*? ежели *Фанни* всегда будетъ тобою любима, и ты ее завсегда имѣть женою захочешь, то кто тебѣ можетъ послѣ сего опыта и смерти твоего дяди въ утвержденіе сего союза возпрепятствовать.

Сіе будетъ служить новымъ опытомъ любви, которую ты докажешъ *Фанни* когда владѣя ею любовный огнь въ тебѣ непогаснетъ, неможно изъяснить *Таттлеепа*

мѣста защищенія такъ точно какъ и приступъ друзей его, а наипаче отъ поврежденнаго *Топарта*, которой употреблялъ весь свой разумъ на убежденіе *Лорда*. На конецъ онъ торжествуетъ и *Татлей* повинуется ему, вероломной *Топартъ* имѣетъ въ семъ мерзскомъ заговорѣ главное участіе, хотя сей ложной союзъ до него со всѣмъ и некасался. *Татлей* мучимой угрызеніемъ совѣсти, покушался разъ двадцать что бы открыть сію адскую тайну; но *Топартъ* употреблялъ весь свой разумъ на понужденіе *Лорда* къ измѣнѣ. На конецъ *Татлей* находится во объятіяхъ своей красавицы и наслаждается сими чистыми весельями, сими приятными утѣхами, которыя вмѣсто того чтобъ быть наградою его добродѣтели, были плодомъ наиужаснѣйшаго его грѣха. *Татлей* посреди сихъ сладостей, чувство-

 валъ

валъ въ себѣ ядъ свѣдающіи его, хотя онъ и всякой часъ былъ въ намѣреніи сдѣлать сей бракъ законнымъ, которому обманъ и хитрость были предводителями.

Фанни непокидала родительскаго дому, обожала своего супруга, она была какъ нѣжная *Евва* описываемая Милтономъ, подсудная *Адамовымъ* желаніямъ, однакожъ были такія минуты, въ которыя веселіи отъ сердца ее отлучались, незнаемая причина приводила ее въ уныніе. Отецъ ее и мать смутность сію дѣлили съ нею; но какою *Татлей* пораженъ былъ стрѣлою воспоминая обманъ свой когда его глаза простирались на сію обожаемую имъ особу, видя ее такъ печальну такъ откровенну, такъ неповинну въ утѣхахъ, когда сія добродѣтельная жена летѣла въ объятіижъ его, и осыпала его непорочными своими ласками, то онъ ее отталкивалъ; а иногда

и

и проливалъ слезы; поступокъ сдѣланной имъ мучилъ его чрезвычайно; иногда онъ кричалъ, ахъ! вѣроломной *Топартъ*.

Дядя его приказываетъ ему быть въ Лондонъ: и должно ему непремѣнно съ *Фаннїею* разстатся въ которую онъ тѣмъ больше влюбленъ сталъ, но *Топартъ* невыпускаетъ его изъ виду, боясь чтобъ притворства не открылъ онъ.

Татлей кленется *Фанни* ненарушимою любовїю, обѣщается въ скоромъ времяни возвратиться и пасть къ ногамъ ея; сїя достойная жена не можетъ разстаться съ своимъ мужемъ: въ сїи то жестокїя минуты въ которыя истинна и честь тревожили *Татлея*; видѣлъ онъ *Фанни* простерту у ногъ своихъ, орошающую ихъ своими слезами, нѣтъ вскричалъ онъ рыдаючи, обожаемая особа, я недостоинъ владѣть тобою, твои прелести и до-

бродѣтель, заслуживалибъ нетаковую участь.

На конецъ *Топартъ* его увидитъ, и самъ удерживаетъ его отъ признанія, которое бы *Татлей* учинилъ непремѣнно ему.

Фанни тутъ упала въ обморокъ и была держима на рукахъ своея матери, но пришедъ въ себя когда она уже больше не могла видѣть *Лорда* въ коляскѣ, то устремила глаза свои въ путь его. *Сиръ Топартъ* находясь съ нимъ изыскивалъ способы что бы избавить *Татлея* отъ мучительнаго его угрызенія преслѣдовавшаго его въ *Лондонъ*.

Ученые и философы пишутъ возраженіи противъ предчувствованіи нещастія; они называютъ сіе химерою и глупостію: но я беру смѣлость быть мнѣнія противнаго; нѣтъ человѣка ежели его почистой совѣсти спросить, которой бы непризнался что вы

въ

въ неприятныхъ обстоятельствахъ его жизни, не были бы такъ сказать, внутреннимъ и тайнымъ гласомъ увѣдомленъ что конечно должно назвать предсказанiемъ нещастiя. Сей плачевной гласъ поднялся и въ *Фаннинои* душе во всей своей силѣ такъ что и въ самые спокойные часы, малымъ чемъ онъ отъ внутреннихъ сихъ беспокойствъ свободна была; печальныя ее мысли умножали ужасные сновидѣнiи, которыя только дневной свѣтъ прекращалъ.

Адамсъ сожалѣлъ о той минутѣ, когда *Фанни* предстала въ перьвый разъ *Лорду* увы? говорилъ сей добродѣтельной старикъ, конечно бѣдная дочь моя была бы щастливѣе, ежелибъ она вышла за мужъ за человѣка простаго; онъ бы ее не покинулъ, они бы были благополучны, и въ трудахъ своихъ преуспѣвали бы. Ахъ любезная *Фанни*, благо-

получіе обитаетъ только между нашимъ родомъ людей.

Татлей пріѣхавши въ Лондонъ влеконъ былъ *Сиръ Топартомъ* изъ веселья въ веселье, ему извѣстно было *Татлеево* сердцѣ и знаютъ при томъ что къ преступленіямъ открываютъ путь, онъ ввелъ своего друга въ таковыя бѣседы, которыя утушали въ немъ нежность чувствъ и любовь къ *Фанни*, и отодня въ день исчезали въ немъ.

Топартъ уведомилъ *Лорда Диртона* дядю *Татлеева*, о происшествіи съ племянникомъ его, и согласясь съ господиномъ симъ старался отвѣсти *Татлея* отъ заблужденія его.

Съ сихъ поръ *Татлей* мало находилъ времени писать къ *Фанни*; и такъ же мало думалъ и о ее увѣдомленіи: словомъ сказать горячность его къ ней часъ отъ часу уменьшалась и становилась

лась слабѣе, при томъ не проходило ни одного дня, въ которой бы самыя наипрекраснѣйшія Лондонскія особы не искали его къ себѣ горячности и любви. . .

Главнѣйшимъ *Фанни* непріятелемъ была молодость *Татлѣепа*; можетъ ли человѣкъ будуди въ такихъ лѣтахъ дать отчетъ въ чувствіи своемъ! вертопрашество, ежели позволено, такъ сказать затмѣваетъ его сердце; *Татлѣепы* лѣты были тѣ самыя, въ которыя вкушаетъ человѣкъ истинное веселіе, первые минуты человѣческаго входу въ свѣтъ бываютъ иногда опасными какъ для истинной роскоши, такъ и для разсудка.

Топартъ между своими ласкательствами, незабывалъ внушать молодому *Лорду* о честолюбіи; всѣ его ласкательствы можно было назвать смертоносными ударами, кои сей жестокосердой возлагалъ на *Фаннїю* и

которыя сей *Адамсопой* дочери мучительные были всѣхъ ласкъ Лондонскихъ красавицъ соперницъ ее, когда уже *Топартъ* въ надѣждѣ былъ получить успѣхъ воожидаемомъ своемъ намеренiи: то обьявилъ онъ о расположенiи своемъ *Лорду Диртону* къ коему онъ уже привелъ его племянника.

Татлей увидя въ театрѣ красавицу именемъ *Мисъ Бари* дочь *Лорда Дарзона*, почувствовалъ въ себѣ некое смущенiе о вожделенномъ семъ произшествiи, о коемъ сообщено было тотъ часъ *Милорду Диртону*, которой съ *Барисинымъ* отцомъ согласно желали какимъ бы способомъ на свою сторону его преклонить. Домъ *Лорда Диртона* сдѣлался *Татлею* отворенъ; прекрасная *Бари* при всякомъ посѣщенiи его казалась ему прiятнѣе. *Сиръ Топартъ* коего мы можемъ сравнить съ Милтоновымъ дьяволомъ, употреблялъ

треблялъ всѣ искушенія и всѣ свои хитрости, онъ превозносилъ похвалами дочь *Лордопу* наиболѣе всего толковалъ о чрезъвычайной ее знатности, и о славѣ, какую союзомъ симъ получитъ, благополучной будущей ее супругъ. На конецъ *Милордъ Диртонъ* будучи уверенъ о успѣхѣ согласія своего, объявляетъ племяннику своему что онъ вознамѣрился сватать за него дочь *Лорда Дарзона.* И прибавилъ еще, что дѣло сіе почти уже рѣшено, что онъ ею любимъ, и такъ сказать все уже готово, и зависитъ только отъ него утвердить союзъ сей, я ласкаю продолжалъ онъ, что ты меня въ словѣ не оставишь; невѣста твоя есть одна изъ наибогатѣйшихъ и великолепнѣйшихъ четъ въ Англіи; король и весь дворъ, съ утѣшеніемъ будутъ смотрѣть на союзъ твой. *Татлей* перемѣняется въ лице и падши къ ногамъ дяди

своего, изъясняется со слезами ему въ своемъ состоянїи, разсказываетъ обезательство учиненное съ *Фаннїею*, и нужду въ которой онъ находится чтобы совершишь дѣло съ нею законнымъ бракомъ. *Диртонъ* обнимая его целуетъ, и съ притворною благосклонностїю увещеваетъ его употребляя все то, что можетъ ослѣпить только племянника, но онъ пребываетъ непоколебимъ; на конецъ послѣдуетъ прозьбамъ ярость и угрозы; и *Диртонъ* прогоняетъ отъ себя *Татлея* которой попадается вообъятїя змеи то есть *въ Топартопы*, но сей гораздо лъстивѣе и опаснѣе перваго; послѣ многихъ принужденїи и споровъ приводитъ на конецъ его къ *дяди*, и *Фанни* становится жертвою. *Татлей* беретъ за себя *Мисъ Бари*, и ежели что нибудь служитъ при семъ къ уменьшенїю *Лордопа* преступленїя, то можно сказать

одно

одно то что его къ алтарю тащили насильно; онъ оплакивалъ первую обладательницу своего сердца, назначенную и отъ бога ему данную супругу, даже и въ объятiяхъ новой супруги своей: однимъ словомъ имя *Фанни* не выходило никогда изъ глубины его сердца; жестокой *Лордъ Диртонъ* взялся объявить нещастной дочери *Адамсоной*, приговоръ ея смерти; онъ обѣщалъ своему племяннику дать отцу ее довольной доходъ, которой можетъ ихъ утѣшить отъ сего смертоноснаго удара, хитрый дядя не остался при семъ; онъ опасаясь чтобъ *Фанни* не взяла когда нибудь въ сердце его верьху испросилъ у двора чтобъ послалъ *Татлея* въ отдалѣннѣйшѣе государство отъ Англiи посломъ, куда онъ и поѣхалъ съ своею супругою провожаемъ *Сиръ Топартомъ*, которой недавалъ ему ни одной минуты на размы-

шленїе и которой безпрестанно внушая о достоинствахъ его и о ее сїянїи, слабое награжденїе занеповинныя прїятности и за истинную любовь.

безпокойствы, *Фаннину* печаль часъ отъ часу умножали болѣ, уже нѣсколько недѣль прошло, какъ она отъ *Татлея* писемъ неполучаетъ, въ ономъ жестоко сумнѣвается; тщетно была уверяема своимъ отцомъ, и всею семьею своею, какъ извинить молчанїе такого человѣка коего обожаетъ; она считала дни, часы и минуты, которыя ей оставались пребывать въ слѣзахъ до возвращенїя своего супруга; наконецъ прiѣхалъ отъ *Лорда Диртона* слуга, и спрашиваетъ *Адамса*, для отдачи ему письма отъ помянутаго господина; добродѣтельной старикъ принялъ посланника съ обыкновенною своею учтивостїю, посадилъ его, бе-

ретъ

ретѣ нещастное письмо, и читаетѣ внемѣ слѣдующїя слова.

„ Я не употребляю, любезной „ *Адамсъ* власти, не хочу тебѣ „ выговаривать и за твою неос„ торожность, и за твой посту„ покѣ, ибо думаю, что роди„ тельская любовь тебя ослѣ„ пила; ты долженѣ былѣ чув„ ствовать, что дочь твоя не „ такѣ рождена, что бы быть „ супругой моему племяннику; „ и такѣ теперь ты ничего не„ долженѣ требовать: ты най„ дешь вѣ семѣ письмѣ вексель „ на тысячу фунтовѣ стерлин„ говѣ (что дѣлаютѣ 5000 ру„ блевѣ) ненапоминай болѣе оду„ рачествѣ *Лорда Татлея*, или „ бойся меня раздражать.

ЛОРДЪ ДИРТОНЪ

Нещастной старикѣ неокончавѣ еще письма упалѣ безчувственѣ. Онѣ былѣ одинѣ, жена его и дочь приходятѣ, подымаютѣ его

его и стараются привесть вЪ себя; на конецЪ опамятовался, видитЪ дочь свою, трепещетЪ. АхЪ! любезная дочь, поди бѣдная *Фанни* вЪ мои обЪятїи; что вы батюшка? отЪ чего сїе смущенїе, отЪ чего такїя рыданїя . . . батюшка. . . Дочь. . . Мы пропали всѣ, наши страхи были справедливы, *Лордъ Диртонъ* . . . Увы хочетЪ разорвать твой союзЪ, и онЪ столь безчеловѣченЪ что даютЪ намЪ деньги за нашу честь... *Лордъ* не будетЪ больше твоимЪ супругомЪ . . . Я не буду его супругой, да что же я буду; сїи слова сирыя преслѣдываемы были обморокомЪ; положили ее на постѣль гдѣ она пребывала безЪ чувствена, возми, сказалЪ согневомЪ посланному, сей почтенный старикЪ сей вексель, сїи ненавистныя благодѣянїи, я хотя и бѣдной человѣкЪ прибавилЪ онЪ сЪ горчайшими слезами, но *Лордъ* не отЪиметЪ

у меня чести, которою меня богъ наградилъ да и никто на земли, ниже самъ король не въ состоянiи лишить меня оной, надобно чтобъ онъ меня прежде умертвилъ, и чтобъ онъ былъ убiйцею моей дочери и цѣлой моей семьи, прежде нежели мы отречемся отъ нашихъ правъ, что бы разторгнуть священныя сiи узы, я потщусь и паду къ *Лордопымъ* ногамъ, изъясню мое печальное состоянiе пусть меня ввергнутъ въ темницу, и пусть насъ съ нимъ судятъ... Природа есть вышѣ *Лорда* безъ причины честнаго человѣка, которой всегда показывалъ себя достойнымъ *Лордопымъ* обесчестить слугою. Что хочешь дѣлать прервалъ посланный которой такъ же оплакивалъ злую участь сихъ добродѣтельныхъ людей? Другъ мой сказалъ онъ какой будетъ плодъ твоихъ жалобъ? вить не разорвутъ уже бра-

бракосочетанія *Лорда Татлея*.. О какомъ ты бракосочетаніи говоришь, спросилъ его *Адамсъ*? развѣ вы не знаетѣ что племянникъ *Лорда Диртона* недавно женился на *Мисъ Бари* дочери *Лорда Дарзона* ? *Лордъ* женатъ... На другой кромѣ *Фанни* . . . Да! онъ уже и выѣхалъ съ женою изъ *Англіи*. О небо! Вскричалъ *Адамсъ*, бѣгая на подобіе изумленнаго отъ печали, какое ругательство священнейшему союзу! . . . *Милордъ* можетъ ли быть на другой женатъ кромѣ *Фанни* . . . Пойдемъ я ѣду въ Лондонъ и потщусь тамо сыскать или справедливость или смерть, *Лордъ Диртонъ* не можетъ мнѣ онаго отказать.

Онъ въ ходитъ въ комнату дочери своей, которая начинала приходить въ память, дочь моя сказалъ онъ ей, ты еще не знаешъ всѣхъ нашихъ бѣдствій, и всѣхъ *Лордовыхъ* преступленіи..

Онъ

Онъ женатъ. . . Женатъ . . . Да женатъ на другой. . . Ободрись мы имѣемъ съ нашей стороны законы и честь, я ѣду въ Лондонъ и возвращусь къ тебѣ конечно съ радостными вестьми. Не ужели *Лордъ Диртонъ* имѣетъ тигрово сердце, которое не можно умягчить! Любезная дочь (прижимаетъ ее къ своему сердцу) я тебѣ докажу, что я нещетно ношу имя твоего отца..

Не можно описать жалостнаго *Фаннина* состоянія; какія еще для нее новыя удары, когда она услышала что *Лордъ Татлей* уѣхалъ; *Адамсъ* простясь съ своей женою и совсѣми своими дѣтьми, и омоча ихъ своими слезами поѣхавъ въ Лондонъ вмѣстѣ съ нарочно присланнымъ къ нему отъ *Лорда Диртона.*

Фанни: пробужалась отъ сна отягощеннаго печальми для того только что бы умирающимъ голосомъ повторять слѣдующія слова:

слова: ты мнѣ измѣняешь, ты клянешся другой тою горячностію которой мнѣ клялся; ты женился, у тебя другая жена... Ты уѣзжаешь . . . Варваръ, ты уѣзжаешь . . . И ты оставляешь меня напоруганіе, бесчестіе, и смерть, я больше уже не твоя *Фанни!* ахъ *Милордъ*, имѣніе ли твое, чинъ ли твой любила я! ты виделъ всю въ моемъ сердцѣ въ томъ сердце, которое ты еще и нынеча пронзаешь! ты знаешь что я никого кромѣ тебя необожала о боже. . . Можно ли поверить, чтобъ ты меня убивалъ бесчестилъ и такую причинилъ горесть къ добродѣтельному отцу! . . . И потомъ опять падала въ обморокъ; ни когда печальныя случаи, которыми наполненъ свѣтъ, не представляли глазамъ таковаго чувствительнаго зрѣлища.

Посланной отъ *Лорда Диртона*, возвратясь входитъ въ его палаты

палаты, а за нимъ несчастной старикъ. Лишъ только *Лордъ* увидѣлъ посланнаго и спросилъ о успѣхахъ его посольства, то онъ вмѣсто особливаго отвѣта подалъ назадъ тотъ вексель на тысячу фунтовъ стерлинговъ, которой *Лордъ* чрезъ него послалъ къ *Адамсу* какъ вскричалъ *Диртонъ*, сей мерзавецъ могъ осмѣлится возгнушатся моими благодѣяніями? онъ здѣсь сказалъ посланной; пусть онъ войдетъ, продолжалъ съ сердцемъ *Милордъ*, я знаю какъ должно поступать съ людьми таковаго рода, *Адамсъ* входитъ, и падаетъ къ *Лордопымъ* ногамъ, милостивой государь, сказалъ сей нещастной отецъ проливая источьники слезъ, я отказалъ сію цѣну моего безчестія по тому что ничемъ неможно онаго заплатить; я не забываю, что я слуга вашего дома и обязанъ вамъ почтеніемъ и покорностію,

я все дѣлалъ что могъ, дабы возпрепятствовать господину моему а вашему племяннику, въ семъ неравномъ союзе, но онъ меня во ономъ непослушалъ женился на моей дочери, отъ насъ зависитъ наша участь, милостивой государь само небо совершило сіи узы тоже небо можетъ и разрушить оныя; всему притчина мой глупой поступокъ и моя бѣдность, ни я, ниже кто изъ моей родни не сдѣлалъ еще никакого безчестнаго поступка; неужели пожелаете вы милостивой государь, лишить жизни отца, мать, дочь и на конецъ нещастныхъ, которыя предьпочитаютъ честь всему на свѣтѣ; я повергаю себя къ стопамъ вашимъ, воззрите милостивой государь на бѣднаго отца, которой прибѣгаетъ къ человѣколюбію вашему и вашей справедливости. . . Моя справедливость состоитъ въ томъ, чтобъ тебя сіюжъ минуту

выгнать

выгнать изъ моего дому : какъ осмѣлился презрѣть мои благодѣянія! . . . Ежелибъ ты имѣлъ и сто дочерей , грубый старикъ тысячу фунтовъ стерлинговъ однако стоятъ больше, нежели всѣ оныя; верь мнѣ , негнушайся моею милостію, возми сей вексель поди и неосмѣливайся никогда предъ меня казаться болѣе.

Нѣтъ, я невыду , прервалъ бодрой старикъ съ гнѣвомъ возвышающимъ его душу сверхъ всѣхъ чиновъ, я требую *Милордъ* одной только справедливости и оную конечно получу ; надобно чтобъ ты меня произилъ здѣсь, здѣсь у ногъ твоихъ. Я поѣду въ Лондонъ и пойду во всѣ судилища, повергнуся предъ самимъ королемъ, и представлю ему мои жалобы, мои слезы, мою правость продолжалъ честной *Адамсъ*; я бѣдной мызникъ, но я отецъ и отецъ обруганной. Тамо услышатъ вопль мой, я ихъ

трону

трону всѣхъ сердца насъ будутъ судить . . . Я съ моей стороны имѣю честность и справедливость . . . Я умру съ печачали *Милордъ*, нѣтъ я не могу верить чтобъ *Лордъ Татлей* могъ на другой жениться, симъ притворствомъ вы хотѣли испытать меня ахъ! *Милордъ*, еще я рась васъ прошу, вы видите поверженнаго къ ногамъ вашимъ нещастнаго отца, которой не отъидетъ отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока васъ неумилостивитъ... Нѣтъ вы несклонны къ такому гнусному дѣлу вамъ къ совершенїю онаго чинъ вашъ воспрепятствуетъ. . . Вотъ возми сказалъ *Диртонъ*, я тебѣ жалую двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, но чтобъ я больше неслыхалъ ни о тебѣ, ни о твоей дочери. *Милордъ* вы нехотите меня слушать, теперешнїя ваши предложенїя суть новыя поруганїи, коими вы меня уязвляете.

Изрядно

Изрядно *Милордъ*, ты лишилъ меня жизни, ты напьешся моей крови, я невозвращусь больше къ моей дочери; безчестной сказалъ ему *Милордъ* неужели ты хочешь меня обидить въ моемъ домѣ! я въ ономъ умру, или испрошу согласія вашего на женидьбу, которая не можетъ васъ обѣсчестить, ибо *Фанни* есть честная дѣвица, я на все отважусь, *Милордъ* въ моемъ отчаяніи . . . Это несносно. . . Ты мнѣ грозишъ, пакасная тварь . . . Знай же слабость твоихъ требованій. Я вижу куда клонятся твои гордыя мысли, ты себѣ воображаешъ, что твоя дочь была съ глупымъ моимъ племянникомъ сопряженна законнымъ бракомъ, я хотѣлъ тѣмъ быть долженъ твоей благосклонности и твоей должности, что могу получить отъ законовъ. Знай же что сей бракъ есть ложной, и что твоя дочь, была только увеселеніемъ

страсти *Татлѣевой*, однимъ словомъ, сей союзъ которой ты осмѣливаешся представлять мнѣ, ничто иное, какъ обманъ сочиненной для полученія того, что право нестоитъ двухъ тысячь фунтовъ стерлинговъ. Какъ дочь моя не жена *Лорду Татлею*! никогда оною и не бывала, она другъ мой, была только его любовницею, и это еще тебѣ много чести. Громовой ударъ не могъ бы такъ поразить жестоко бѣднаго *Адамса*, онъ палъ на землю лишенный чувствъ. *Милордъ Диртонъ* выходитъ изъ покоя, приказывая холоднымъ видомъ чтобъ вытащили вонъ бѣднаго нещастнаго старика, а когда опамятуется, то чтобъ отсчитали ему двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ; зрѣлище такое умягчило бы самыя звѣрскія и неукротимыя сердца; сей бѣдной человѣкъ простерся на земли, его сѣдые волосы, покрыты

пылью и орошенны слезами, и едва могъ дышать; блѣдное лице его изображало смерть. Одинъ изъ *Лордовыхъ* слугъ гораздо человѣколюбивѣе своего господина, почувствовалъ сожалѣніе къ сему нещастному; принимаетъ его въ свои обьятіи, и даетъ ему жизнь. *Адамсъ* открываетъ глаза, произнося нѣчто, и опять падаетъ на землю, проговаривая: обманули мою дочь, она не замужемъ ахъ боги! боги! по томъ встаетъ въ отчаяніи ищетъ *Милорда*, но принужденъ былъ опять сесть, онъ не въ состояніи былъ инаго ничего дѣлать, какъ проливать только источникъ наигорчайшихъ слезъ. Состраждущій ему слуга, старается его утѣшить, говоритъ ему что бы уступилъ нещастному своему жребію, описываетъ власть и силу *Лорда Диртона*, и на конецъ открываетъ ему о всѣхъ обстоятельствахъ случившихся

вѣ подложной женидьбѣ *Лорда Татлея* сѣ *Фанніею*! отчаянный *Адамсѣ* реветѣ на себѣ волосы и кленется заколоть *Лорда Диртона*; управитель приноситѣ ему двѣ тысячи фунтовѣ стерлинговѣ вѣрно сочтенныя; но *Адамсѣ* ихѣ сѣ великимѣ презрѣніемѣ отбрасываетѣ. бездѣльникѣ говоря пускай твой господинѣ пользуется симѣ мерзскимѣ богатствомѣ; онѣ уже довольно обесчестилѣ седину мою, подлинно я вижу, что не имѣю другова помощника и защитника кромѣ бога, я его стану просить, онѣ накажетѣ тѣхѣ, кои обманули дочь мою, мою любезную *Фаннію*, увы! другѣ мой прибавилѣ онѣ оборотясь кѣ сжалившемуся служителю, которой бралѣ у него руки, и хотѣлѣ его утѣшить. Ежелибѣ ты зналѣ какую ето жену обругали... Ахѣ! бѣдные мои дѣти достанетѣ ли силѣ моихѣ вамѣ оное обѣявить,

я чувствую что здѣсь умру; здѣсь пребудетъ мой трупъ, и оной истребуетъ божество отмщенія, сїе высочайшее существо можетъ защитить самого послѣдняго человѣка, оно никому неотказываетъ въ своемъ покровительствѣ.

Достойный сей отецъ, будучи въ отчаянїи твердилъ непреставая что онъ пойдетъ, и падетъ къ королевскимъ ногамъ, что онъ будетъ искать *Лорда Татлея*, что пойдетъ и предстанетъ къ вельможамъ. Служитель мало по малу приводитъ его въ истинное дѣлъ его познанїе, доказывая ему, что всѣ старанія и самая его смерть будутъ тщетны изъяснять власть большихъ, кои малосильныхъ попираютъ всегда своими ногами, да еще и съ презрѣнїемъ, напослѣдокъ онъ его отводитъ на нѣсколько шаговъ отъ *Лордовыхъ* полатъ въ свою ко-

 мнату,

мнату, въ которой жила жена его, она приняла *Адамса* съ таковымъ человѣколюбіемъ, которое большіе и знатные люди простою называютъ, и которая однако несравненно лучшее притворной учтивости, велерѣчивыхъ и пригожихъ господъ.

Не можно описать *Адамсова* состоянія, онъ часто кричалъ, ахъ! любезная моя *Фанни*, бѣдная моя дочь, любезной плодъ моего сердца, ты обесчещена, ты которая предпочитаешь честь жизни! . . . Увы! для чего измѣнникъ, *Татлей* принесъ тебя на жертву въ моихъ объятіяхъ! на послѣдокъ казалось что онъ испустилъ послѣдній свой вздохъ въ горчайшихъ слезахъ, часъ отъ часу умножающихся.

Сей добродушной слуга будучи приведенъ въ жалость, притворился больнымъ, съ тѣмъ чтобы проводить *Адамса*, которой имѣлъ благородную смѣ-

лость

лость написать къ *Лорду Диртону* письмо [есьли позволено такъ сказать подобно съ таковымъ выраженiемъ] наполненное съ важностiю всѣхъ печалей отъ него ему причиненныхъ не удивительно, что мызникъ таковымъ образомъ говорилъ: не надобно забыть что *Адамсъ* былъ ученъ, да къ тому же душа наполненная добродѣтельми самого человѣка иногда превосходитъ, возвышается въ обстоятельствахъ когда она въ нихъ примаетъ участiе, примѣчено что всѣ люди становятся примѣромъ храбрости, твердости и краснорѣчiя; если они доведены бываютъ до чрезвычайнаго движенiя природы, которая есть единый источникъ славныхъ дѣлъ и свѣтскихъ дарованiй; вотъ письмо сего стараго человѣка столь для всѣхъ чувствительное.

„ Варваръ! Я пишу къ тебѣ „ именемъ того, которой всѣмъ

 „ смерт-

„ смертныхъ всеобщій, есть су-
„ дія, ты вовлекъ послѣднія часы
„ жизни моей въ бесчестіе и въ
„ поруганіе вмѣсто награжденіи
„ трудовъ достойныхъ стараго
„ служителя, которой въ потѣ
„ лица своего кусокъ хлѣба сни-
„ скиваетъ ; ты сокрушаешъ
„ сердце онаго , ты обезчестилъ
„ дочь мою . . . Ахъ ! жестокой!
„ небо возопіетъ объ отмщеніи
„ твоемъ за слезы и кровь, кото-
„ рую ты принуждаешь меня
„ пролить . . . . Твой гнусной
„ племянникъ я его уже вижу
„ предъ судомъ божіимъ , предъ
„ судьею которой невзираетъ ни
„ на какую знатность природы и
„ неоставляетъ безъ отмщенія
„ ни какого злодѣйства. *Милордъ*
„ я повторю тебѣ что онъ за-
„ насъ отмститъ. . . Ты рано ли
„ или поздо почувствуешъ конеч-
„ но угрызеніе совѣсти, содела-
„ ніи таковаго гнуснаго со мною
„ поступка, но уже будетъ поз-

„ до ;

„ до; нещастныя твоего тиран-
„ ства жертвы въ пропасть ввер-
„ гнутся, возвысятъ къ небесамъ
„ гласъ свой . . . Ты обесчестилъ
„ мою старость , ты обругалъ
„ цѣлую семью, которая тебѣ
„ служила и которая тебя лю-
„ била , и которая росла подъ
„ тѣнью твоего покровитель-
„ ства, ты утѣснилъ слабость и
„ неповинность . . . Возвращаю
„ тебѣ и твоему безстыдному
„ племяннику мызу , и имѣнїе ,
„ которые мнѣ тобою были при-
„ поручены ; да разверзется адъ
„ для поглащенїя васъ , всѣхъ и
„ вамъ подобныхъ ! мы пойдемъ
„ орошать нашими слезами дру-
„ гую землю, и тамо погибнемъ
„ въ бѣдности и въ печали , та-
„ мо испустимъ наше послѣднее
„ издыханїе. О ! естьли бы мое
„ письмо могло вселить въ твою
„ душу всѣ тѣ стрѣлы, коими
„ ты уязвилъ меня . . . Чело-
„ вѣкъ приведенный въ таковую

„ крайность, пренебрегаетъ весь
„ страхъ! умертви насъ, сїе убив-
„ ство непремѣнно должно слѣ-
„ довать беззаконїю тобою соде-
„ ланному Сїе послѣднее конечно
„ не такъ будетъ мерско, и симъ
„ то однимъ *Адамсъ* хочетъ
„ только тебѣ остатся обязан-
„ нымъ.

Сей огорченный отецъ оставляетъ Лондонъ, проклиная оной и въ отчаянїи своемъ приближается къ своему дому; лишь только усмотрелъ оной, то вскричалъ! вотъ убѣжище моей бѣдности, здѣсь то я въ невинности и въ добродѣтели воспиталъ мою нещастную дочь; здѣсь мѣсто ея рожденїя, которое сдѣлалось для насъ источникомъ вечнаго страма нынѣ . . . Увы! какъ предстану я предъ глаза семьи моей, какимъ жестокимъ ударомъ поражу оную . . . Могъ ли я думать, что таковое бесчестїе случится при концѣ моей жизни.

Слу-

Служитель вѣрной его сопутникъ уговаривалъ его. *Адамсъ* приходитъ въ мызу, жена и дочь его встрѣтили. *Фанни* едва могла ходить, она была въ великой слабости, но собравъ всѣ силы бросается въ объятїи родителя своего, говоря ему ахъ! любезной родитель? *Адамсъ* обнимаетъ ее, и хочетъ говорить; но *Фанни* видя его смущенїе, простирающееся на нее нещастную участь; вскричала я не жена *Лорда* Татлея . . . Мнѣ ничего не остается кромѣ смерти, она садится, *Адамсъ* посреди плача и рыданїя разсказываетъ какимъ мучительнымъ образомъ былъ онъ принятъ отъ *Милорда Диртона*, когда онъ дошелъ разговоромъ до ужасной Татлеевой измѣны и должнаго брака, то дочь его при семъ вскричала; ахъ!... Я до такого обмана дошла я не жена его . . . И едва выговорила послѣднїя слова, што упала

ла

ла на полъ какъ пораженная громовымъ ударомъ. Служитель посторонный сей человѣкъ, коего одного только во всемъ Лондонѣ *Адамсъ* могъ своимъ состоянiемъ привести въ жалость, былъ чувствительно тронутъ симъ новымъ зрѣлищемъ. *Фанни* занемогла и не вставала съ постѣли, какъ только для того чтобъ увидѣть своего родителя, *Адамсъ* стократно орошалъ ее своими слезами на конецъ пришедъ въ чувство сказала она, *Лордъ Татлей* меня обманываетъ, онъ мнѣ измѣняетъ... Должналь я была ожидать таковыхъ ударовъ. Вскорѣ по томъ сiя нещастная освобождается ежели можно такъ сказать отъ челюстей смерти; она сдѣлалась наполненною чрезвычайной твердости такъ что казалось будто сердцѣ ее со всѣмъ перемѣнилось, она вставъ облокотилась; бодрость занимаетъ на всемъ лицѣ ея мѣсто печали, и

она

она какъ бы повелѣла своимъ слезамъ престать течь; удалимся отъ сюду родитель мой сказала сія покорная дочь, забудемъ имя бездѣльника, которой думалъ меня обезчестить; моя еще честь цѣла въ моемъ сердце онъ самъ... Сіе чудовище теряетъ меня чрезъ таковый гнусный поступокъ свой, онъ обманулъ меня... Онъ не отнялъ однако у меня душевной неповинности, будуль я виновна предъ вами предъ богомъ! . . . Мнѣбъ легко было можно умереть батюшка, какая надѣжда мнѣ остается въ жизни? . . . Но я хочу быть вашимъ утѣшеніемъ и вашею подпорою, а вы матушка будите моею . . . Выдемъ изъ сей пороками наполненной земли... Гдѣ *Лордъ Татлей* .. Пойдемъ гдѣ образъ его небудетъ слѣдовать за мною [при сихъ словахъ у ней слезы полились] ахъ! не станимъ упоминать о семъ имяни ? забу-

 демъ

демъ его... Забудемъ исторгнемъ имя его изъ моего сердца... Любезный родитель я готова подвергнуть себя наитруднѣйшимъ работамъ, наистрожайшему житію: словомъ сказать всему, только бы здравствовали... Только бы любили вашу *Фанни*... Которая ни въ чемъ невиновна... При сихъ словахъ новыя показываются на глазахъ ее слезы, измѣняющіе еще въ твердости ее; на конецъ сія сожаленія достойная семья, покидаетъ нещастное для нихъ мѣсто, *Фанни* оставляя оное несколько разъ обращала свои взоры, и казалось какъ будто въ семъ мѣстѣ оставляла любезнейшую часть своего сердца наисветлѣйшую искру своей души; но при сей твердости любовь нетеряла своей силы; *Фанни* которая столь казалось великодушна можетъ быть тайно еще больше плакала; честныя души всегда быва-

бываютъ склоннее къ великимъ страстямъ; сіи нещасные удалились къ одному священику, тому родственнику, которой *Фанни* воспиталъ. Слуга возвратяся въ Лондонъ немогъ болѣ остатся у *Лорда Диртона* въ службѣ какъ у человѣка столь злаго, и не просилъ у него отпускную.

Милордъ Татлей супругъ жены прелѣстной посреди веселій и достоинствъ былъ весьма не въ состояніи вкушать истиннаго благополучія. *Милорда* имѣла качества противные благонравной женѣ, она казалась чрезъвычайно холодна къ своему мужу наполнена будучи всякаго рода хитростей, которыя служатъ къ привлеченію на себя взоровъ всѣхъ протчихъ мущинъ была пригожа, счеславна и горда; однакожъ сія гордость, невоспрепятствовала имѣть ей множество любовныхъ приключеній, о коихъ на конецъ слухъ дошелъ

и

и до *Милордовыхъ* ушей; онъ хотѣлъ о семъ объявить ей благосклонно, но его въ томъ непослушался; онъ грозилъ властїю обруганнаго супруга, на то ему отвѣтсвовали не пристойнымъ образомъ! дочь *Лорда Дарзана* была подкрѣпляема великимъ имѣнїемъ, и имѣла отмѣнную доверенность при дворѣ, надлежало чтобъ *Лордъ* скрывалъ свои печали и свой стыдъ, *Милади* подавала ему часто случай вспомнить нещастную *Фанни*, которую онъ любилъ, обожалъ, и которую онъ обесчестилъ за ея къ нему горячность; но *Сиръ Топартъ* скоро прекращалъ сїю мысль сколь ни волновала она въ *Татлѣевой* душѣ, онъ влекъ его въ разные заблужденїи, и ввелъ въ роскоши такъ, что *Милордъ* отгоняя отъ себя мысль воспоминающую *Фанни* погасилъ на конецъ въ себѣ во всѣ чувство

честь и добродѣтель, коими онъ долженъ былъ природѣ.

Несколько лѣтъ прошло толь разпутной *Татлеевой* жизни пока онъ возвратился съ своею женою въ Лондонъ, которая неумѣдлила ему причинить вновь наижесточайшіи мученіи, она его бесчестила многими своими коварствами, поссорила съ своими родственниками, и привела у двора въ презрѣніе. *Милордъ* впалъ въ великую печаль, однако скоро получилъ онъ то утѣшеніе смертію *Милади*, хотя оставила она ему послѣ себя довольно долговъ, непріятелей и стыда, тогда то *Татлей* вдался въ чрезвычайное мотовство; ни одного въ Лондонѣ не было вольнаго дому, гдѣбы онъ небылъ почтенъ за предводителя своевольства; *Сиръ Топартъ* раздѣлялъ съ нимъ сію славу, они зашли нечаянно съ прочими друзьями своими въ кофейной домъ называемой бровка;

раз-

разговорѣ послѣдовалѣ о чести, какѣ обѣ вещи которой люди чащее всего говорятѣ и лишѣ только сей разговорѣ начался, то сказалѣ имѣ одинѣ незнакомой, для чего вы обѣ ней говоритѣ государи мои; престарѣлые сего не знакомаго лѣты и простой видѣ доказывали вѣ немѣ человѣка почтеннаго, вамѣ сходнѣе говорить продолжалѣ онѣ о матеріяхѣ приличныхѣ вашимѣ склонностямѣ, какѣ на примерѣ, о конскомѣ рыстаніи и о модахѣ? ... Что же бы ты разумѣлѣ о нашемѣ разговорѣ прервалѣ его речь *Милордѣ Татлей* сѣ торопливостію ты то первой и долженѣ никогда не употреблять таковыхѣ разговоровѣ, какѣ? я развѣ чести незнаю? ты ... Весьма мало людей находится, кои ее знаютѣ... Невежа ... Нѣтѣ я не невежа но человѣкѣ любящіи правость... Вѣ сіе время вошелѣ нѣкто позвать сего чуднаго человѣка изѣ

ко-

кофейнаго дома вонъ, увелъ его и беседа осталась въ изумленіи.

Государи мои вкричалъ *Милордъ Татлей* будьтѣ увѣрены что я неостанусь присемъ, я знаю что мнѣ моя должносшь повелѣваетъ, и вы услышитѣ должноль мнѣ говорить о чести или нѣтъ, онъ выходитъ вонъ съ другомъ своимъ *Топартомъ*, которой гнѣвъ его тѣмъ болѣе растравлялъ чтобъ его сыскать. На другой день очень рано *Татлей* пошелъ опять въ тотъ же домъ, тутъ незнакомой нанималъ комнату; *Татлей* стучится у дверей, и незнакомецъ не имѣвши слуги отваряетъ ему дверь говоря; *Милордъ* я не ожидалъ васъ такъ рано; потерпитѣ пока я одѣнусь, такъ вы меня не дожидалися конечьно; я хочу чтобъ вы мнѣ отдали справедливость, тотъ часъ Государь мой, да кто вы таковы? кто я, человѣкъ: вашъ чинъ мое сердцѣ и любовь къ истиннѣ;

знае-

знаетелиж вы кто я? васъ называютъ *Лордомъ*, и оному верю; вы довольно походитѣ на людей таковаго рода, но ни вы ни они еще разъ вамъ повторяю, никогда недолжны говорить о чести; вы меня бесчеститѣ я ласкаюсь что вы мнѣ изъяснитесь лутче, и ктобы вы таковы ни были, хочу съ вами раздѣлаться; такъ вы думаетѣ быть достойнымъ отнять у меня жизнь и лишить оной ... безразсудной молодой человѣкъ! еще голосъ дружбы присоединяетъ онъ къ ругательству .... Дачто ето значитъ голосъ дружбы сказалъ ему незнакомецъ, не вздумалъ ли что я тебѣ долженъ почтенїемъ? я тебѣ оное докажу: развѣ пронзя мое сердцѣ? ты надѣешся на твою участь; что ежелибъ ето подлинно случилось, то развѣ недостанетъ силъ во мнѣ изъяснится. О! неожидай отъ меня къ себѣ почтенїя а напротивъ того

развѣ

развѣ презрѣнія или можетъ быть и сожалѣнія. Презренія . . . Твоево сожалѣнія другъ мой, скорѣе съ постѣли, и чтобъ сіюжъ минуту сей споръ былъ оконченъ концѣмъ жизни одного изъ насъ; вотъ какъ дерзко сей безстыдной со мной обходится! я не безстыдной тотъ часъ встану. Незнакомецъ встаетъ и одѣвается спокойно а между темъ *Лордъ Татлей* наполненъ будучи яростію прохаживается по горницѣ большими шагами: пойдемъ сказалъ онъ позадь *Гитпарка*. Тамъ то я тебѣ покажу что есть человѣкъ обиженной моего состоянія, человѣкъ твоего состоянія долженъ превосходить другихъ честностію и добродѣтелью; безъ сихъ двухъ качествъ человѣкъ есть самой подлый да что я говорю? онъ и въ сихъ сравненъ быть не можетъ естьли оной не исполняетъ своей должности; *Татлей* дрожалъ, едва успѣли они пришшить

шить на назначенное мѣсто, то *Лордъ Татлей* обнажилъ шпагу и принуждалъ соперника своего дѣлать тоже: постой пожалуй я поневолѣ вступаю въ бой съ тобою: желанїе мое и окажется тебѣ чуднымъ, несчитай меня безсильнымъ, ни трусомъ; а я ни то ни другое; когда вы узнаетѣ мое имя, то отдадитѣ мнѣ справедливость; поединокъ есть дѣло негодное, противное божественнымъ и человѣческимъ законамъ, оно есть убивство; не я послѣдую вашему желанїю, я буду честь имѣть съ вами резаться понеже вы необходимо тово хотитѣ, спрошу только ободной вещи, объчемъ бы это было? я васъ жестоко обиделъ это правда, думая что вы чести незнаетѣ но прежде нежели станемъ драться пожалуйтѣ растолкуйтѣ мнѣ что вы разумѣетѣ чрезъ слово честь, успокойтесь на время.

Конечно

Конечно человѣкъ сей сошелъ съ ума, нѣтъ я съ ума не сошелъ: но что есть честь? отвѣчайтѣ мнѣ какихъ вы объ ней мыслей.

Милордъ Татлей непреминулъ вспомнить всѣ описанiи ему извѣстныя сколь они малоразсудны ни были ну всiоль ты сказалъ *Милордъ*. Да нѣтъ ты еще мало искусенъ въ отвѣтахъ твоихъ, ты забылъ наиглавнѣйшiй членъ оныя. Несостоитъ ли честь въ томъ, что бы давъ слово и сдержать оное постоянно: безсумнѣнiя и притомъ слабѣе и безсчастнѣе тѣ, кому оно дано темъ святѣе должно быть наше слово, и такъ нелишается ли она своихъ правъ вообманахъ, въ измѣнахъ и въ нарушенiи отговорками истинны! пристойно-ли человѣку давать ложныя рукописанiя! . . . При сихъ словахъ *Милордъ* дѣлаетъ движенiе представляющѣе презрѣнiе, ложныя рукописанiи; ну хорошо, ты оскверо-

оскверинлся дѣломъ, которое двадцать разъ сего пакоснѣе, ну защищай себя, послушай, и когда выслушаешъ мои слова, тогда мы станемъ биться; ежелибъ я имѣлъ тысячу жизней, и естьлибъ я оныхъ лишился отъ твоихъ ударовъ, тобъ ты всё не меньше былъ виновенъ. . . Ты бы не меньше дѣлалъ ложныя рукописанiи. . . И что ты сдѣлалъ мучитель, когда ты погрѣшилъ противъ природы любви, честности когда уступая совѣтомъ злыхъ твоихъ товарищей, подъ видомъ наичистѣйшей клятвы, ты обѣсчестилъ несчастнѣйшею особу, которая по невинности своей приняла тебя въ объятiяхъ непорочности! какiе ты имѣлъ мысли разрушая молодое сердце наполненное чистѣйшею горячностiю. Ты посѣялъ въ оное печаль и смерть, когда ты покрылъ вечнымъ поруганiемъ едва дышущаго старика бесчастныхъ! которыя

за честь себѣ ставили носить имя вашихъ слугъ, кои почитали ваши обьяти священнымъ убѣжищемъ, которыхъ вы долженствовали защищать, вмѣсто того ты самъ ихъ приносишъ на жертву . . . разумѣешь ли ты меня, твое сердце при *Лордѣ* любви, неповинности измѣнило; и такъ самое тоже сердце, ежели ты осмѣлился объ ономъ подумать должно востать противу тебя. . . Ты смущаешся. . . Ахъ! вскричалъ плача *Милордъ Татлей*, да я погрѣшилъ противу чести, и вотъ она что мнѣ повелѣваетъ дѣлать; (онъ кидаетъ шпагу) обойми меня незнакомецъ, ты меня просвѣтилъ, ты меня вывелъ изъ заблужденія (бѣжитъ въ его обьятіи) ахъ! скажи мнѣ, скажи мнѣ пожалуй что сдѣлалось съ *Фанни*? да! я несчастной и самый наисквернѣйшій изъ душегубцовъ. Вотъ теперь *Милордъ* честь вхо-

 дитъ

дитъ въ твою душу; я познаваю теперь въ тебѣ человѣка. *Фанни* и вся ихъ семья живутъ въ огорченіи и въ бѣдности; они удалились къ священнику ихъ роднѣ, которой помогаетъ ихъ жизни достойной сожалѣнію, и несчастная *Фанни* всегда васъ любитъ. Она меня любитъ, прервалъ *Татлей* со слезами! она меня любитъ . . . Ахъ! государь мой, я хочу ее видѣть, итти и пасть къ ногамъ ее; вы сдѣлайтѣ милость проводитѣ меня къ ней.

Сиръ Топартъ слѣдуя изъ далека своему другу, прибѣжалъ къ нему, и находитъ его въ слезахъ. . . Подойди *Топартъ*, сказалъ ему *Татлей*, подойди и наслаждайся торжествомъ чести; да! я признаю себя виновнымъ, и господинъ (указывая на незнакомца) имѣлъ право меня упрекнуть, что я не достоинъ говорить о чести, онъ мнѣ открылъ

крылъ глаза другъ мой, и я поѣду поправить простукъ мой.

Татлей растолкавалъ ему подробности всего приключенія. *Топартъ* весьма разсѣрдяся обвиняетъ слабость *Лорда*, и наступаетъ на сего честнаго человѣка самъ, для чего онъ привелъ *Татлея* на путь добродѣтели; незнакомецъ предлагаетъ наисильнѣйшія представленіи, дабы оными отвлечь отъ себя *Топартово* бешенство; на конецъ принужденъ будучи уступить ему, вскричалъ: нещастный *Топартъ* это ты принуждаешъ меня или оскверните-ся душегубствомъ, или жертвовать тебѣ моею жизнію, либо тебя самого лишить твоей, мои слова, мои слезы, да! слезы которыя я проливаю съ совѣстію, ничто не можетъ тебя тронуть.

будь же наказанъ, или моя смерть насытитъ твою ярость, и придастъ тебя раскаянію; *Татлей*

лей хочетъ ихъ разнять, но *Топартъ* его неслушаетъ болѣе; онъ бьется, и незнакомецъ его обезъороживаетъ, и обезъоруживъ отдаетъ ему шпагу говоря притомъ, живи для познанія коль велико угрызеніе совѣсти и добродѣтели. *Татлей* усиливаетъся укротить своего приятеля, но *Топартъ* дѣйствуетъ злобою съ нова, нападаетъ на своего щедраго соперника и получаетъ отъ оного смертельной ударъ, которой повергъ его на землю; незнакомецъ стремительно беретъ его въ свои объятія съ помощію *Татлея*, которой омочалъ слезами своего друга, предается наивеличайшей печали: надобно было вскричалъ онъ рыдаючи сдѣлать лѣнь притчиною убійства сего. Ахъ! *Милордъ* сказалъ онъ *Татлею*, я участникъ вашего отчаянія, но *Сиръ Топартъ* принудилъ меня самъ къ сему преступленію, однако я долженъ

былъ

былъ лутче дать себя убить, я немогу жить послѣ таковаго нещастія.

Татлѣепы слуги пришли, подняли тѣло *Топартопо*, и между тѣмъ *Милордъ* и незнакомецъ оба пораженныя печалію возвращались въ *Лондонъ* въ одной каретѣ, служители были свидѣтелями сего боя, и въ допросахъ всѣ они незнакомца правили; *Татлей* прогнавши печаль, узналъ на конецъ, что тотъ, кто убилъ *Сиръ Топарта* былъ благородной офицеръ имѣющій наиотличнѣйшія достоинства, и прославившійся своею храбростію; онъ былъ отставной, и велъ жизнь прямаго философа, то есть человѣка вспомогающаго и дѣлающаго честь человѣчеству. Онъ употреблялъ наизнатнѣйшую часть своего имѣнія на вспоможеніе бѣднымъ, убѣгалъ пышности, и упражнялся въ добродѣтели; онъ назывался *Сиръ Вингамомъ*. *Та-*

тлей бежитъ къ его жилищу, егда *Вингамъ* его примѣтилъ какъ вскричалъ: ахъ! *Милордъ*, я скоро послѣдую во гробъ моей несчастной жертвы, я не могу его снести: я лишилъ человѣка жизни! я долженствовалъ стараться отвлечь отъ себя такое мерзкое дѣло: плачевное предосужденïе, всегдаль ты станешь мучить мой разсудокъ!... Такъ ли служутъ своему отечеству?... Какъ добродѣтель блиска къ грѣху!

Сей честной человѣкъ былъ объятъ печалïю и задумчивостïю, однакожъ принялъ опять свое спокойство: *Татлей* сожалея о участи своего друга, принужденъ былъ признаться что онъ былъ виноватъ, и что онъ принудилъ *Сиръ Вингама* дойтить до сей крайности, онъ еще меньше начиналъ объ немъ сожалѣть, когда и припомнилъ, что *Сиръ Топартъ* былъ причиною его

всѣхъ

всѣхъ заблужденіи и что его ввелъ онъ въ бесчестную измѣну, которая всякому кто объ ней зналъ, подавала худыя объ немъ мысли; однимъ словомъ сказать, что онъ причинилъ *Фаннины* несчастіи при таковыхъ вспоминаніяхъ о *Топартѣ*, память его нестоль важною представлялась, но удалялась отъ дружества.

Сиръ Вингамъ увѣдомилъ *Милорда* о безчеловѣчной поступкѣ *Лорда Диртона* съ несчастнымъ *Адамсомъ*. Какая картина тогда представлялась глазамъ *Татлеевымъ*! душа его возъимѣла сію прежнюю чистоту свою и чувствительность: *Сиръ Вингамъ* былъ такъ сказать одною небесною тварью снисосланною для его спасенія изъ бездны, въ которую *Топартъ* его велъ; *Татлей* ничего неожидалъ, какъ только той минуты, въ которуюбъ онъ могъ увидѣть *Фанни*, единую жену,

которая обладала внутренностiю его сердца.

Сиръ Вингамъ входитъ съ *Лордомъ* въ подробности объ *Фанни*, которыя умножили тѣмъ болѣе нетерпѣливость въ *Лордѣ* ея видѣть; сей почтенный человѣкъ проѣжжая разныя Аглинскiя провинцiи, заѣхалъ случайно къ священнику, гдѣ *Фанни* съ семьею своею удалились; онъ услышалъ ихъ нещастiи, и о вероломствѣ *Милорда Татлея* отъ ихъ самихъ. *Сиръ Вингамъ* покаряется охотно *Татлѣеному* желанiю; и поѣхали вмѣстѣ въ деревню, гдѣ оный священникъ жилъ.

Татлей проводилъ всю свою дорогу въ размышленiи о щастiи случившемся ему въ исправленiи своихъ несправедливостей; на конецъ они прiѣхали въ дѣревню. Какой *Милорду* ударъ! они услышали что священникъ уже умеръ и незнаютъ куда *Адамсъ*

съ

съ женою и съ дѣтьмисвоими удалился, сказано только то, что они живутъ въ великой бѣдности. . . Это я содѣлалъ, вскричалъ *Милордъ Татлей*, я притчиною, что сіи нещастные окончили можетъ быть уже жизнь свою. Я сталъ наидостойнѣйшимъ жены убійцею! . . . Я не въ силахъ ѣхать далѣе любезной мой другъ, я хочу здѣсь умереть, здѣсь, гдѣ конечно *Фанни* обвиняючи меня проливала токи слезъ. . . Нѣтъ ангелу подобное созданіе, ты меня конечно не могла любить послѣ всѣхъ причиненныхъ тебѣ мною печалей; я самъ себѣ кажусь чудовищемъ.

Поѣдемъ *Милордъ*, сказалъ *Сиръ Вингамъ*, станемъ еще ее искать: для чево намъ не надѣется на бога? онъ тебѣ открылъ глаза, надобно думать что онъ намъ поможетъ, и конечно наградитъ насъ самъ, дабы ты всѣ преступленія причиненныя тобою *Фан-*

 ни

ни и его родителямъ поправилъ добродѣтель и на земли награждается. Такимъ то образомъ вселялъ онъ въ *Милорда* желанїе и надежду, они продолжаютъ свой путь спрашивая повсюду, незнаютъли кто, гдѣ *Адамсъ* жительство имѣетъ.

Винггамъ начиналъ уже и самъ отчаеватся о успѣхахъ своего путешествїя. *Милордъ* сталъ такъ же погруженъ въ великое унынїе; они были верьхами и безъ людей; *Сиръ Винггамъ* заѣхалъ по дорогѣ въ одну знакомую мызу нѣкоего барона, и въ оной на нѣсколько минутъ остановился, а *Татлей* продолжалъ путь, и наѣхалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги на мальчика, который горько плакалъ. Онъ сказался что имѣетъ шесть или семь лѣтъ; прїятной видъ украшалъ естьли можно такъ сказать наружность его и бѣдность, и привлекалъ всякаго къ себѣ; его

его слезы и откровенные пріятности тотъ часъ тронули *Милорда*, онъ разсматривалъ сіе дитя и столь его полюбилъ, что незналъ какъ съ нимъ разстатся. Что тебя дружечекъ мой такъ огорчило, увы! государь мой любезная моя матушка сказала мнѣ что она скоро умретъ, она въ слезахъ своихъ меня поцаловала, и матушка весьма нещастна, мы не имѣемъ чемъ жить, а дѣдушка лѣжитъ боленъ въ постелѣ (мальчикъ оное говорилъ рыдаючи) бѣдное дитя... Отецъ же твой гдѣ другъ мой?... О! государь мой я никогда невидалъ своего батюшки, и только знаю объ немъ то, что онъ причиною всѣхъ нашихъ нещастій; матушка объ немъ всякой день говоритъ что она его до смерти непрестанетъ любить... Хотя онъ ей и много причинилъ печали... И всякой день она меня заставляетъ за

него молиться богу. Это не хорошо для моего батюшки, прибавилъ мальчикъ удвоивая свои слезы и рыданія.

Милордъ тронутъ будучи, слесъ съ лошади и бежитъ къ сему дитяти, которой вмѣсто того, чтобъ побѣжать прочь, протянулъ къ нему руку. Красавчикъ ты мой поцалуй меня, какъ ты пріятенъ! . . . И кто твои родственники? они пашутъ землю. А мать? она то и первая, государь мой, хотя она и силы не имѣетъ; она такъ же присматриваетъ за дѣдушкой: я бы желалъ быть больше, дабы быть въ состояніи ей помочь, матушка моя весьма милостива ко мнѣ, да гдѣ вы живетѣ? тамъ государь мой (указывая на негодную хижину) проводи меня къ твоей матушкѣ О! она меня станетъ бранить государь мой: матушка ни кого нехочетъ видеть (*Милордъ* еще его целуетъ)

ни

ни чего не опасайся я васъ помирю. Мальчикъ думаетъ, смотритъ на него, и подаетъ свою руку *Милордъ* взялъ оную одною своею рукою а другою держалъ лошадь, *Сиръ Виндгамъ* изъ далека ему слѣдовалъ, *Милордъ* приближается, видитъ худую избушку покрытую соломою, окруженну весьма нискимъ плетнемъ, и женщину въ нѣсколькихъ шагахъ отъ избушки, сидящую на краю рва, имѣющую въ рукахъ мошыку и казалась отягощенною работами и печальми, мальчикъ приближается, говоря: матушка пожалуй не брани меня, что я къ вамъ привелъ сего господина, которой желаетъ васъ видѣшь. . . Она подымаетъ свои глаза, Татлей падаетъ къногамъ ея: любезная *Фанни*. . *Милордъ* Татлей сказала *Фанни*. . . Ибо она была то и подлинно *Фанни* . . . Лишается чувствъ; сынъ ее брасается въ ее объятїи,

вѣ то самое время входитѣ Сирѣ *Топартѣ*. *Татлей* прежде ее опамятовался. Это ты любезная *Фанни* . . . Ахѣ! другѣ мой я нашелѣ обладательницу моего сердца, это ты любезная жена. . . Я лежу у ногѣ твоихѣ. . . Открой свои очи, посмотри на твоего любезнаго, на твоего супруга отѣ раскаянія умирающаго, любезная *Фанни* вѣ какое я ввергнулѣ тебя состояніе! . . .

Татлей былѣ простертѣ у ногѣ ее и цаловалѣ многократно оные, орошая ихѣ слезами; *Фанни* очувствовалась, и кинувшись вѣ Лордовы объятіи говорила она, это ты *Милордѣ Татлей*! . . . Да обожаемая мною особа это твой супругѣ, вышедшей изѣ всѣхѣ заблужденій, которой пріѣхалѣ отдатся вѣ твои объятіи, вѣ добродѣтель и вѣ горячность, подвергаю свое сердце твоей власти стараясь все загладить, и сдѣлать твое счастіе.

Милордѣ

Милордъ целовалъ ли ты сына своего сказала ему *Фанни*? любезное дитя беги вообъятіи твоего отца . . . Моего сына о боже мой! моего сына! [*Татлей* проливаетъ токъ слезный целуетъ по перемѣнно то *Фаннію*, то сына своего, прижамая обѣихъ ихъ къ груди своей] да *Милордъ*, твоего сына продолжала *Фанни*: ето плодъ нашей несчастной любви; я его съ тѣмъ воспитала, чтобъ васъ любилъ, и что естьлибъ меня пережилъ, могъ бы тебѣ пересказать о нещастной своей матери; ибо еслибъ ты умѣдлилъ нѣсколько дней еще приѣхать сюда, тобъ уже ни когда больше думаю меня не увидѣлъ, я была у вратъ смерти, я бы дала ему письмо, которое онъ долженствовалъ бы тебѣ вручить, и я ласкала себя... Она немогла болѣе говорить, слезы прервали ее рѣчь а *Милордъ* ее обнимаетъ, ахъ! неговори мнѣ больще о моихъ пре-

преступленіяхъ я весьма оные чувствую. Какъ я возмогъ привесть въ таковое состояніе наилюбезнѣйшую и наидостойнѣйшую жену! Могуль я любезная супруга посредствомъ сильной любви и честныхъ дѣлъ истребовать забвеніе моего мучительства, моего непостоянства и моей безчестной измѣны? . . . (Онъ омочаетъ слазами своими ее руки).

Я не могу себя предътобою извинить. *Сирѣ Топартѣ* ввелъ меня во все оное, я нехочу предъ тобою скрыть моихъ преступленій для того, чтобъ быть тебѣ болѣе обязаннымъ, когда простишь меня, прости меня; прости такого человѣка, которой за честь себѣ поставитъ носить имя твоего супруга, имя отца сего любезнаго дитяти. Говоря сіе прижималъ его късердцу, спрашивалъ гдѣ твой родитель, мой родитель, я его хочу видеть! Онъ

лѣжитъ

лѣжитъ въ постелѣ, отвѣчаетъ *Фанни*, гдѣ печаль больше нежели бѣдность мучитъ его въ болѣзни при послѣднемъ издыханіи; бѣдность, сказалъ *Татлей*, ахъ небо!... Сердце мое обмираетъ, ахъ! почтенной *Винлгамъ* сколь много я виновенъ *Фанни*: вы въ бѣдности. Я васъ довелъ до сей крайности ... Что это вижу хлѣбъ которымъ мы кормимся, хлѣбъ омоченной нашимъ потомъ и нашими слезами [ето былъ хлѣбъ черной] при семъ то зрѣлище *Татлей* едва могъ удержаться на ногахъ, онъ подымаетъ руки свои на небо, и проливаетъ токи слезъ.

Какъ любезнѣйшая моя, это была ваша пища ... Въ то время какъ я ... Ахъ! боги ... боги! ахъ! я отъ сего умру, я самъ собою начинаю мерзеть, я не могу болѣе жить ахъ! *Милордъ*, сколь сіи раскаяніи пріятны твоей *Фанни*; живи и

будь

будь отъ оной обожаема, она всегда тебя любила, и . . . Могла ль она тебя ненавидеть? [протягиваетъ ему свои руки] да ты будешь моею женою моею обладательницею, Лондонъ былъ свидѣтелемъ моихъ заблужденїй, онъ же будетъ видѣть и мое исправленїе. Но я не могу оное сдѣлать только довольно извѣстнымъ, ты будешъ супругою моего сердца (обнимаетъ онъ ее) пойдемъ я паду къ ногамъ твоего почтеннаго родителя.

Фанни проситъ его подождать, чтобъ она отца прежде увѣдомила, она опасалась что бы нечаянное присудствїе *Милорда* не произвело въ семъ больномъ старикѣ жестокаго волненїя; она не знала, какъ изъяснить довольно *Вингаму* свою благодарность. *Милордъ* увѣдомилъ ее въ кратцѣ о всемъ что сей достойной другъ сдѣлалъ, дабы вселить въ нее чувствительность и честь.

Фа-

Фанни бѣжитъ къ своему родителю, любезной батюшка ободрись, хорошїя вѣсти, *Милордъ Татлей* прїѣхалъ, признаетъ свое преступленїе . . . Онъ будетъ твоимъ супругомъ любезная дочь, и такъ я прежде моей смерти могу вкусить сїю радость . . . Такъ почтенной *Адамсъ* вскричалъ *Милордъ*, бросясь въ стариковы объятїи, ты нашелъ супруга твоей дочери, твоего сына которой прїѣхалъ оплакивать преступленїе свое въ твоихъ объятїяхъ, и которой готовъ лишиться жизни чтобъ заслуживать прощенїе. *Адамсъ* восхищается радостїю и удивленїемъ, не можетъ иного промолвить, какъ только ахъ! *Милордъ*! . . . Изъ глазъ его льются радостныя слезы, онъ хочетъ встать и уверяетъ его о своемъ почтенїи . . . Оставь учтивость сїю любезный отецъ сказалъ *Татлей*, мнѣ должно вамъ служить и васъ

почитать;

почитать; я васъ раздражилъ, я измѣнилъ добродѣтели чести и любви *Фанни*; но однимъ словомъ всему, я пріѣхалъ все оное исправить и испросить прощенія у васъ у любезной вашей дочери, и учеловѣчества которое я въ видѣ честнаго *Адамса* прогнѣвалъ. Да? вы будитѣ моимъ отцомъ, а ваша дочь моею супругою, единою обладатѣльницею моего сердца, *Лордъ* спрашиваетъ у *Фанни* гдѣ ее мать? увы! сказалъ *Адамсъ*, ее уже нѣтъ! вы знаете сколь горячо любила она свою дочь. Ахъ! я конечно знаю и етому я причиною! виновникъ несчастный *Татлей*, можешъ ли ты загладить толикія преступленіи ахъ! *Адамсъ* . . . Ахъ! *Фанни*.

Нельзя представить всего произшѣствія при семъ случаѣ, чувствительныя только сердца наполнятся симъ восхищеніемъ.

Пришло время обѣда: и тогда *Татлей* прямо тронутъ былъ бѣдностію

бѣдностїю сихъ несчастныхъ, и чуть только было довольно чернаго хлѣба, но единой онаго только видъ привелъ *Милорда* въ ужасъ; издыхающей *Адамсъ* былъ такимъ ему предмѣтомъ, которой наижесточайшѣе сердце могъ бы тронуть; все что ни представлялося въ семъ печальномъ домѣ *Милордовымъ* глазамъ, было все смертоносными для него ударами, но когда онъ свои взоры простиралъ на свою жену, кою онъ обожалъ, тогда онъ виделъ бѣдность и недостатокъ изображающїйся на ее блѣдномъ лицѣ, ее руки, которыя онъ сжималъ своими съ великою горячностїю, кои весьма похудѣли то онъ, столько почуствовалъ угрызенїя въ совести сїе душевное мученїе которое тысячу разъ чувствительнее всѣхъ казней; всякую минуту произносилъ онъ со слезами: божественная *Фаннїи* я тебя ввергнулъ въ пропость сїю на-

наполненную бѣдствїями! ... А ты меня еще любишь; ... *Фанни* целуя его отвечала: да *Милордъ* ты мнѣ всегда былъ дорогъ, ты мнѣ съ тѣхъ поръ сталъ милъ, когда я въ первой разъ поцеловала твою руку.

Ежели есть на земли зрѣлище, которое можетъ на себя привлечь божественные взоры, то безсомнѣнїя оное состоитъ въ искреннемъ раскаянїи, въ чистой и честной любви и въ торжествѣ человѣколюбїя.

Милордъ услышалъ что двѣ *Фаннисины* сестры не долго жили послѣ смерти матери своей; и что братья ее принуждены были по нещастїю оставить родительской домъ, и были мызниками; что она и ее отецъ, послѣ священниковой смерти впадши въ великую скудость принуждены пахать сїе маленькое полѣ, на которомъ они построили избушку, и которое едва доставляло

ляло имъ нужное пропитаніе. *Фанни* чрезмѣрно любила *Лорда*, и по тому нехотѣла далѣ увѣдомить о всѣхъ подробностяхъ, но онъ обовсемъ узналъ отъ *Сирв Вингама*.

Татлей велѣлъ перенесть *Адамса* въ свой замокъ, гдѣ сей старикъ въ скоромъ времени выздоровелъ, *для Фанни* очистили наилучшій покой; и нѣсколько дней послѣ сего *Фаннія* одѣтая въ богатое платье вышла за *Милорда*. Я думаю что нѣтъ нужды прибавлять что *Сирв Вингамв* былъ первымъ гостемъ въ семъ пиршествѣ. Какое пріятное *Адамсу* зрѣлищѣ, когда *Милордв* представилъ ему двухъ его сыновей одѣтыхъ пристойнымъ образомъ въ ихъ новомъ счастіи, батюшка сказалъ онъ ему, я хочу всю нашу семью сдѣлать счесливою; *Фанниепы* братья должны быть моими, и намѣреніе мое со стоитъ въ томъ, чтобъ

чтобъ они были участниками моего счастія.

Въ тотъ же вечеръ *Татлей* выславши всѣхъ своихъ служителей оставшись одинъ съ своею супругою палъ къ ногамъ ея, сказывая: и такъ на конецъ, божественная моя *Фанни* ты будешь въ объятіяхъ такого супруга, которой ни очемъ иномъ небудетъ больше стараться, какъ о томъ чтобъ ты забыла всѣ тебѣ мною причиненныя печали простите мнѣ мою вину всѣ мерскія мои противъ тебя преступленіи. Дражайшая супруга, нещастія твои нимало неубавили твоей красоты. Она опять возъимѣетъ отъ моей ласки и слезъ свой прежній видъ; я преступникъ и ты чрезъ то мнѣ часъ отъ часу становишся милѣя; ты была моею жертвою, будьже моею обладательницею, будь всемъ тѣмъ что я люблю съ симъ любви достойнымъ сыномъ,

номъ, которой за отца своего проситъ у тебя милости, откажешъ ли оное ему любезная. *Фанни* не въ силахъ была отвѣчать, текущія изъ глазъ слезы ей препятствоволи, а ей было истиннымъ доказательствомъ ея мыслей; въ семъ счастливомъ смущеніи упала въ обьятіи мужа своего. О роскошъ сколь велики твои пріятности когда оныe на добродѣтели основаны!.

Сиръ Вингамъ хотѣлъ было оставить *Милорда Татлея*: какъ! сказалъ ему *Милордъ*, развѣ вы не хотитѣ пользоваться плодами вашилъ трудовъ, гдѣ вы найдетѣ такихъ людей, которыебъ васъ больше нашего любили? вы достойный другъ, ты соединилъ два сердца которые довольно знаютъ цѣну вашихъ заслугъ, вкушайтѣ удовольствіе смотря на дѣйствіе вашихъ добродѣтелей; вы вселили въ меня честь, возвратили мнѣ *Фанни*, и

сдѣлали меня счастливымъ; увы! могуль быть я совершенно счастливымъ не будучи въ объятiяхъ любви и дружбы! *Сиръ Вингамъ* цѣлуетъ *Милорда* проливая отъ искренняго сердца слезы; пойдемъ любезныя дѣти я соглашаюсь на ваше предложенiе, вы будитѣ утѣшенiемъ въ моей старости, вы доказываетѣ мнѣ, что есть еще на землѣ чувствительныя и добродѣтельные люди. Они приѣхали въ Лондонъ. *Фанни* тотчасъ показалась наипреятнѣйшею и наидостойнѣшею женою; она служила примѣромъ всемъ благороднымъ, и оказала своею красотою и своими нравами, что добродѣтель и приятности раждаются въ деревняхъ, такъ же какъ и въ городѣ; она всякой годъ ѣздила смотреть ту нещастную избушку въ которой *Милордъ* съ *Сиръ Вингамомъ* ее нашли, Тамо возобновляла она любовь къ

честно-

честности, бѣдность всегда приводитъ къ кротости и къ человѣколюбію, и сей только путь къ добродѣтели извѣстенъ.

Татлей былъ презрѣнъ и безчестенъ когда былъ женатъ на дочери *Лорда Дортона*, но теперь нѣкоторымъ образомъ получилъ второе, быть чрезъ дочь мызника своего. Чистая любовь вела его къ познанію должностей касающихся до человѣка гражданина и подданнаго. Онъ принялъ службу которую было оставилъ, въ оной отличался и получилъ наизнатнѣйшія чины. Самъ *Лордъ Диртонъ* прежде смерти своей не закрытно извинялся предъ *Адамсомъ* и предъ *Фаннгей*. Онъ учинилъ *Татлея* своимъ наслѣдникомъ и умеръ на рукахъ своей племянницы. *Адамсъ* дожилъ до престарѣлыхъ лѣтъ, что не иначѣ должно почесть, какъ божіимъ награжденіемъ, а *Фанни* имѣла многихъ дѣтей кои достойны

тойны были отцовской горячности, и почтеніе всѣхъ со гражданъ своихъ.

КОНЕЦЪ.

